

СВЕТЛАНА ДЕНИЖЕНКО

Фыжым
всегда везёт

Аннотация

Героиня книги — хрупкая девушка со стальным внутренним стержнем. Красивое имя — Надежда, мягкий взгляд и сильный характер.

Со стороны многим кажется, что у неё в жизни складывается всё только на отлично. Подруги ей завидуют, ведь Надежде во всём везёт — и карьера идёт в гору, и муж молодой, успешный бизнесмен, который любит свою жену. Что ещё можно пожелать?

Никто не знает и даже не догадывается, чего стоит улыбка красавицы, когда на сердце — тоска и боль. За успех приходится бороться, отдавая всего себя без остатка.

Когда в жизни встречается мужчина твоей мечты и предлагает выйти за него замуж, то не стоит опрометчиво соглашаться на авантюру под названием «брак». Для героини этой истории замужество стало почти фатальным невезением.

Надежде придется пройти через очень многое, чтобы, наконец, действительно обрести своё настоящее счастье.

Светлана Дениженко

Рыжим всегда везёт

Дождь мелкими каплями бьет в лицо, смешивается со слезами — не разобрать, что за влага стекает по застывшему лицу. Непроницаемость. Замороженные чувства. Гордое сердце — никогда не признается в боли. Даже если эта боль раскаленным железом разрывает душу. Мерзко. До тошноты. Я точно чувствую запах подпаленного на огне сырого мяса. Неприятное ощущение.

Утрата. Пустота. Все эти лица вокруг — чужие, я не узнаю ни одно из них. Горькие, пустые слова, выражающие поддельное сожаление. Лживая скорбь. Сочувствие. Вздохи. Клоуны, бездушные паяцы — вот, кто окружает меня сейчас. Они не знали тебя. Им не надо проливать слезы. Они лишь чтут ритуал. Так принято.

Мне будто бы все равно, но это лишь показное, для других. Себя не обмануть.

Ты никогда не плакала. Была сильной, как бы ни была тебя судьба — держала удар и научила этому меня. Я вытерплю. Я смогу.

Воспоминания больно щиплют, заставляют чувствовать утрату еще сильнее.

— Рыжим всегда везет! Запомни! — любила повторять ты, когда становилось особенно тяжело.

— Мы не рыжие, золотые, — пыталась возразить я.

— Тем более! — улыбалась ты. — Золотым везет еще больше!

На пустынном кладбище — только я и тени кривых деревьев. Как часовые они несут свою службу — утешают шелестом листьев тех, кто остался по эту сторону жизни.

Небо, затянутое тучами от края и до края, льет слезы. Его тоже съедает грусть. В лужах отражается серость минувшего дня. Теперь каждый из них будет именно таким — серым и печальным. Мое солнце ушло навсегда.

Черный гранит холодит пальцы. Я провожу рукой по выемкам букв, которые странным образом складываются в твое имя. Две яркие гвоздики выпускаю из рук, они мягко ложатся туда, где находится твое сердце.

— Прощай, сестрица, — шепчут, скованные холодом, непослушные губы. — Я отомщу. За тебя. Обещаю.

Ухожу — медленно, будто ноги запутаны в цепи, им тяжело идти. Каждый шаг причиняет новую боль.

Мы не были родными, но дороже тебя у меня никого нет. Теперь я осталась одна. И месть моя будет жестокой.

Глава 1

Будильник резко запиликал мелодию вальса. Утро, как обычно, застало меня в уютной компании сладких снов. Как же не хотелось выбираться из-под одеяла, выныривать из сладкой неги. Я потянулась: пора!

Сегодня нельзя опаздывать. Новое собеседование давало шансы на хорошую работу, приличный заработок и перспективы карьерного роста. Еще недавно я была студенткой, теперь же пока безработная. Два собеседования прошли безрезультатно. В первом месте мне не понравился руководитель. Его лохматые, как лапки паука пальцы, нервно перемещались по столу — крутили карандаш, переключивали с места на место какие-то папки, бумаги, а глаза непрерывно бегали, будто пытались успеть за мельтешением суетных мыслей.

При этом речь заучено-холодна. Без эмоций.

— Что вы умеете? — вопрос после того, как просмотрел мое резюме.

— Все, что перечислено, — улыбнулась я.

— То, что перечислено, я увидел. Мой вопрос: что из этого перечисленного вы действительно умеете? — ехидная улыбка исказила и без того некрасивое лицо, превратила его в отвратительную гримасу.

— Всё, — ответила я твердо, без тени улыбки.

— Ой ли? — не поверил он, — Впрочем, это легко проверить. Давайте для начала пройдем на ваше рабочее место.

Два часа проверок на профпригодность. После чего довольная ухмылка. И ожидаемые слова: «Мы вам позвоним».

Я пришла домой выжатая, как лимон. Еле остались силы, чтобы принять душ и сварить кофе.

Перебирая газеты с объявлениями, неожиданно для себя, наткнулась на один интересный вариант, и в этот момент раздался звонок.

— Да. Слушаю, — машинально ответила, пробегая взглядом по объявлению.

— Вы сегодня были у нас на собеседовании, — в трубке раздался мелодичный женский голос, — Так вот. Вы приняты в нашу компанию. Завтра в девять...

— Нет, — я не дала ей договорить, — Простите, но я нашла другое место. Всего доброго.

Шеф-садист меня не устраивал. Хватило собеседования, чтобы это понять. Во втором месте не понравилась моя кандидатура. И вот сегодня новое собеседование. На него я собиралась быстро, тщательно продумывая ответы на возможные вопросы. Анкеты везде одинаковые, поэтому многое зависело от меня самой. Как покажу себя, как проявлю свои способности, ну и о внешнем

виде не стоит забывать. Выбрала строгую юбку, белоснежную блузку, укороченный жакет, подчеркивающий мою тонкую талию. Волосы собрала в тугий хвост, легкий макияж — глаза поярче, румяна, губы — розовый блеск, туфли на высоком каблуке — в зеркале отразилась вполне себе симпатичная дама. Подхватила сумочку, показала язык отражению и выпорхнула за дверь. Теперь главное — справиться с волнением.

До будущего рабочего места добралась быстро, за пятнадцать минут на маршрутном такси. Что очень даже неплохо. У меня до встречи с возможным руководителем оставалось еще порядка десяти минут.

Я поднялась по ступеням серого здания, довольно приличного на вид. Что тоже было плюсом. На входе меня остановил высокий детина лет тридцати-тридцати пяти в черном строгом костюме и спросил к кому иду.

Назвала номер офиса. Охранник, а это оказался именно он, выписал пропуск и позволил мне пройти по вестибюлю, провожая заинтересованным взглядом до лифта.

Нажала кнопку на седьмой этаж.

Номер офиса начинается с цифры семь, значит, этаж должен соответствовать — сделала логический вывод. Пока полз железный ящик наверх, я немного успокоилась, привела мысли в

порядок и вышла в распахнувшиеся створки лифта.

Длинный коридор, множество дверей, расположенных почти напротив друг друга в два ряда. Первая дверь — 712. Нужная мне — под номером 727. Я выбрала направление и пошла, торопливо выстукивая каблуками по кафелю пустынного коридора — 715, 719, 721... поворот направо и тупик в виде сплошной белой стены. Но нет, приглядываюсь — есть ручка, еще окно домофона с белыми кнопками и значок видеокамеры. Офис. Номер не обозначен, но почему-то кажется, что мне нужно именно сюда.

Нажимаю кнопку вызова. Металлический голос вопрошает:

— Вы к кому?

— На собеседование.

— Фамилия.

— Самойлова.

Легкая задумчивость голоса, потом щелчок и разрешение:

— Проходите.

За дверью меня встретил просторный светлый холл. Мелкий суховатый мужичок с ежиком черных волос и большущими в пол лица глазами внимательно пробежал взглядом по мне с головы до ног и обратно. Впрочем, он чуть ли не единственный, кто действительно имел на это право. На пристегнутом к лацкану его

терракотового пиджака бейдже значилось: Орлов Вадим Михайлович, начальник охранного сообщества «Гроза».

— Вам назначено на десять? — спросил он, скорее для проверки.

— Да.

— Идемте.

Без лишних слов он проводил меня до директорской двери, которую я могла бы с легкостью найти и сама, тем более, на ней крупными буквами было написано «Директор».

— Подождите, — скомандовал Вадим Михайлович.

Оставив меня за порогом, он постучался и вошел в кабинет. Обычно к директору провожает секретарь, поведение начальника охранного сообщества меня несколько озадачило. Но тем самым я отвлеклась от волнений.

Через пару секунд Орлов вернулся и приоткрыл мне дверь:

— Проходите.

Я поблагодарила взглядом и вошла. Кабинет обычный, отличался от тех, в которых мне приходилось бывать раньше разве что дорогой мебелью.

За дубовым черным столом в пол оборота ко мне сидел мужчина средних лет. Худощавый брюнет с зачесанными назад средней длины

волосами, с легкой сединой на висках был чем-то занят — не отрывал взгляд от компьютера, пару раз щелкнул клавишами, что-то прочитывая на мониторе. Не глядя в мою сторону, он попросил присесть напротив себя, показав куда рукой. Я выполнила его просьбу, устроилась в кресле и смогла рассмотреть руководителя лучше. Обратила внимание на его тёмный загар (и это в начале июня, когда лето только-только позволило скинуть надоевшую за весну ветровку), да и сложно было не обратить, когда светлый костюм так ярко контрастировал с цветом кожи своего хозяина. Лицо директора тоже привлекало — греческого профиля, черные густые брови соединялись у переносицы, тонкие губы, широкий волевой подбородок. Еще я мельком взглянула на его руки — сильные, чуть искривленные пальцы цепко держали карандаш и легко крутили его, перебирая между собой.

В общем, первое впечатление осталось положительным.

— Итак, — наконец-то он перевел взгляд на меня, — слушаю вас.

Его серые глаза смотрели вскользь, словно бы представляла собой нечто вызывающее если не раздражение, то сильную усталость.

«Вот как? Не успели познакомиться, как уже устали от меня?» — очень задело такое отношение,

и я решила подать себя во всей красе. Если и не примет на работу, то во всяком случае, запомнит мою фамилию, чтобы никогда больше не встречаться.

— Я по объявлению, — начала довольно смело, не опуская глаз. — Вам нужен в компанию менеджер аналитического отдела, так?

— Ну, допустим, что так, — он сложил перед собой руки и откинулся на спинку кресла, в глазах промелькнул интерес, — Но почему вы думаете, что годитесь на эту роль?

— Потому что вы до сих пор находитесь в поиске.

— Верно, нахожусь, — он еще раз задумчиво окинул меня взглядом, — Что вы умеете?

— Петь, танцевать, вязать крючком — не умею, — уловила недоумение во взгляде директора и продолжила, — неплохо шью, хорошо готовлю, а все прочее указано в резюме.

— Вот как? — легкая усмешка коснулась его губ, глаза же оставались холодны. — *My dear girl, the problem is that the list of your supposed skills does not reflect the level of your real knowledge.*¹

— Что?

---

¹ Милая девушка, проблема состоит в том, что перечень ваших умений не отражает уровень ваших реальных знаний.

— Так, ничего особенного, сказал вам комплимент. Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, — улыбнулась в ответ, прекрасно понимая, что этот человек держит меня за полную идиотку. В его словах не было и намека на комплимент, скорее, наоборот, полное недоверие мне, как специалисту. Возможно, раньше ему не попадались сотрудницы со знанием английского языка без словаря. У меня же имелся опыт общения с англичанами, я два года прожила в Лондоне, участвовала в программе по обмену студентами. Ответила в манере руководителя — медленно и уверенно, — *My real knowledge can easily turn into real skills if you allow me to get necessary experience working under your guidance.*²

— Хм, — брови директора удивленно приподнялись. Он мельком взглянул в лист моего резюме, скорее всего, чтобы уточнить моё имя. — Я несколько удивлен, Надежда Викторовна. И прошу извинить меня. Пожалуй, мне стоит забрать свои слова и дать вам шанс.

— Хотите сказать, что я не безнадежна, — усмехнулась я, встретившись с его красноречивым

---

² Мои реальные знания могут легко перейти в реальные умения, если вы позволите мне получить необходимый опыт, работая под вашим руководством.

ВЗГЛЯДОМ.

— Более чем. Благодарю вас за беседу. Я вам позвоню.

Довольно привычное завершение собеседования. Я поднялась с места и направилась к выходу.

— Пойдите, Надежда Викторовна, — остановил он меня уже у двери, нажал кнопку на своем столе. Через несколько минут в кабинет протиснулся Орлов.

— Вадим, проводите девушку на её рабочее место.

— Взяли? — спросил охранник.

— Да, — ответил директор, — Думаю, с Надеждой Викторовной мы неплохо сработаемся.

Я молчала. Да и что тут сказать? Нуждалась в работе — получила. Теперь надлежало освоиться на новом месте и приступить к своим прямым обязанностям. Для этого неплохо бы выяснить, в чем именно они заключаются. Конечно, я немного представляла круг обязанностей для менеджера-аналитика, но узнать о нюансах все-таки было необходимо.

— Вадим Михайлович, а где секретарь? — поинтересовалась у хмурого сопровождающего, которому, по всей видимости, не очень-то хотелось бы со мной возиться, да против директора — не возразишь.

— В банк уехала, скоро вернется, — ответил он вздохнув, — сейчас пора отпусков, вот и замещаем друг друга, как умеем.

— А... понятно, — кивнула, соглашаясь с простым объяснением. Лето — время отдыха, но, увы, не для всех.

Мы прошли по коридору и заглянули во вторую дверь слева:

— Девочки, к вам новенькая! Принимайте Надежду Викторовну, любите и жалуйте! — представил он меня двум «девочкам» лет сорока, — А я пошел.

— Э-э-эй, Вадимка! — гаркнула дородная ярко накрашенная дама в круглых очках, вроде тех, что носил «кот Базилио». — На месте стой! Раз, два!

— Галочка, ну зачем так строго? — вернулся Орлов, натужно улыбаясь. Скорее всего в его планы не входило столь быстрое возвращение.

— Ты куда намылился, в магазин поди?

— Так точно! — подтвердил он, поднося руку, будто к козырьку воображаемой фуражки.

— Вот деньги возьми, купишь нам с Томкой по салату, пол булки хлеба и шоколадку, — продолжала командовать Орловым Галина.

— Надя, а ты обедать будешь? — спросила меня вторая дама — низенькая и полненькая.

Не успела я ответить, как Галина продолжила:

— И Наде возьми.

— Хорошо. Ушел.

Вадим скрылся в коридоре, а Галина гаркнула вслед:

— Орлов, шоколадку бери на свой вкус, но помни о моем!

Женщины засмеялись и в две пары глаз уставились на меня.

— Ты вместо Олеси?

— Наверное, — пожала я плечами, — А кто такая Олеся?

— Проходи, вон твой стол, у окна — справа, — Галина мотнула головой, указывая мне на место в этой не очень большой комнате, — Слева — Катька сидит, она сейчас в отпуске. Я протиснулась сквозь тесно поставленные столы к окну, опустила сумку на стул, включила компьютер.

— Давай знакомиться, что ли? — подмигнула мне маленькая женщина, убирая со стола какие-то папки, — Меня Тамарой Васильевной зовут, а это — Галина Петровна. Я старший менеджер отдела. Галина — экономист. А Олеся была аналитиком до тебя, теперь в декрет ушла, Катька вернется тебе легче будет. У нас два аналитика, а пока она в отпуске, ты будешь и за нее работать. Устанешь, конечно, с её бумажками возиться...

— Да ладно тебе её пугать, — подала голос

Галина Петровна. — Пусть осмотрится человек. Иди, лучше свой отчет доделывай, а то придет сейчас Кукушкина, огребешь по полной.

Пока я просматривала папки на рабочем столе и пыталась разобраться в их содержимом, вернулся Орлов. Отдал Галине Петровне пакет с продуктами и быстренько исчез. Причиной этому послужило появление маленькой, тоненькой особы, на вид — лет пятидесяти, которая буквально с порога начала визгливым голосом жаловаться и кричать на чем свет стоит:

— Я в эту налоговую больше ни ногой! Вот черти! Отстояла три часа и что? Видите ли печать не там стоит! — противным голоском кого-то передразнила эта взволнованная несправедливостью дама, — Говорила же «нашему» ставить печать в правом нижнем углу, а он? Вляпал, как всегда, посередине! Томка, а где твой отчет? Еще не готов?!

— Готов, Анна Сергеевна. Сейчас последнюю точку поставлю и можете проверять, — невозмутимо и спокойно ответила Тамара Васильевна, не отрывая взгляд от монитора.

— А вы еще кто? — заинтересованно обратилась ко мне шумная особа.

— Это наш новый аналитик, вместо Олеси, — опередила меня Галина Петровна и снизила голос до громкого шепота, — Вы бы, Анна Сергеевна,

успокоились что ли, а то перепугаете девочку и сбежит от нас.

— Если Лероев принял — не сбежит, правильно я говорю? — спросила Анна Сергеевна, не меняя тон, — Как зовут?

— Надежда Викторовна Самойлова, — ответила ей, выдержав колючий взгляд.

— Так, Надя, значит. С таким именем у нас девочек еще не было. Идем со мной, — она развернулась к двери, а я вышла из-за стола, пока не понимая — зачем могла понадобиться Анне Сергеевне.

— Это Кукушкина. Держи с ней ухо остро! — шепнула мне Галина Петровна, когда я огибала её стул.

В кабинете Анны Сергеевны стоял один рабочий стол, который был завален грудой каких-то папок и бумаг; на широком окне — пять горшков с разными цветами и в углу, возле шкафа — пальма. Еще имелся сейф, компьютер и пара кресел.

— Садись, — приказала она, кивнув на одно из кожаных изваяний возле стола, сама опустилась в другое, — Заявление писала?

— Нет еще.

— Вот бумага. Пиши на имя директора, я сейчас к нему пойду свои листочки подписывать, за одно и твое заявление подмахнет. Как тебе у нас?

— Пока не знаю, — пожалала я плечами.

— Ясно. Осматриваешься? Тебе рассказали, что будешь делать?

— Нет, не рассказывали, — увидела легкое недоумение на её лице.

— Ох, я и забыла. Маринка-то с сегодняшнего дня тоже в отпуске, — сокрушенно покачала она головой, — Все разбежались.

Минут за пятнадцать Анна Сергеевна провела со мной инструктаж. В ходе которого выяснилось, что компания «Голубая Лагуна» занимается туристическим бизнесом, и в мои прямые обязанности входит анализ продажи-покупки туристических путевок, отслеживание в каких странах предпочитают отдыхать наши клиенты, следить за ростом цен на рынке, да и еще налаживать связь с иностранными клиентами. Ибо знание английского языка должно этому способствовать.

— Ты можешь приглашать иностранцев на отдых к нам, в Россию У нас есть своя база отдыха, на Алтае. Вот, просмотри буклеты, — Кукушкина всунула мне в руки увесистую папку. — Понимаю, сейчас информации у тебя в голове много, со временем во всем разберешься. Да, и еще, Надя, поручения Всеволода Константиновича выполняются в темпе вальса и с улыбочкой, даже самые странные.

— Это какие? — решила на вопрос.

Не хотелось бы мне попасть впросак при первом же подобном поручении шефа.

— О, ничего сверх особенного. Просто, он может попросить принести ему чашечку кофе, или сходить в магазин, или выполнить срочное поручение, например, встретить клиентов в аэропорту. Да мало ли! Не любит отказов и совсем не помнит, что многое из его просьб с легкостью выполнит ничем не обремененный секретарь. Такой уж наш Всеволод — особенный! — улыбнулась она, — Но и щедро награждает — аванс бывает больше зарплаты. Так что имей ввиду.

Весь остаток дня я провела за изучением клиентской базы. После легкого обеда никто меня больше не беспокоил, поэтому я окунулась в работу с головой, а очнулась, когда Галина Петровна в своей громкой манере оповестила — пора домой. Из кабинета она вышла последней, закрыла его за собой.

— Ключи у нас собирает Орлов, кто первым приходит, тот и открывает кабинет. Рабочий день с девяти. Завтра пропуск тебе выпишем, а то будешь все время внизу охранникам доказывать: кто ты, зачем и почему, — улыбнулась Тамара Васильевна.

Распрощавшись с сотрудницами, я побежала на остановку. Первый рабочий день мне понравился. Многому еще нужно было научиться и как-то прижиться в коллективе. Решила о

проблемах думать по мере поступления. Пока что меня все устраивало.

* * *

В комнате притушен свет. Не люблю яркие краски. За окном вечереет. Четырнадцать дней и четырнадцать ночей — одна. Тяжело осознавать, что тебя больше нет рядом. Нет объятий, смешных затей, громкого смеха. Иногда забудусь — позову. Эхо собственного голоса пугает, наводит тоску. Я смотрю в окно. В городе зажигаются лампы. Кто-то спешит по мокрой мостовой, обгоняют друг друга машины.

Мне холодно. Укутываю плечи колючим пледом. В нем осталось твое тепло. Как недавно это было и как невозможно давно. Целых четырнадцать дней назад — почти вечность.

Глава 2

Постепенно я осваивалась с порядками в новом для себя коллективе. Впрочем, это было не трудно: работали с девяти часов утра до шести вечера, обеденный перерыв, как обычно с часу до двух, а в остальном — свобода действий. По крайней мере, меня не сильно загружали первые дни, и я полностью была предоставлена самой себе.

Разбираясь с бумагами, изучая клиентскую базу, почти не отрывала головы, целый день занималась делами. Исключением являлся обеденный перерыв. Я нашла неподалеку от офиса кафе и, ознакомившись с ассортиментом, решила, что там неплохо кормят. Обед и правда был горячим и довольно вкусным — котлета и рис приготовлены, как на домашней кухне.

За неделю познакомилась и с остальными работниками фирмы, вернее с теми, кто пока не спешил в отпуск. тётя Клава — солидная женщина лет шестидесяти, приходила каждый вечер наводить порядок, и однажды мы с ней встретились. Я задержалась, нужно было распечатать буклеты, и собралась домой позже, чем обычно. Хотела уже закрыть кабинет, как услышала:

— Не спеши, голубушка, — незнакомка в синем рабочем халате и с ведром в руках заинтересованно оглядела меня, — Ты новенькая? Вместо Олеси, наверное?

Я кивнула в ответ.

— А я уборщица. Можно тётей Клавой звать.

Так мы и познакомились, правда, больше ни разу не встретились, я уходила теперь вовремя.

В отделе бухгалтерии работали две девушки лет 23-25-ти — Ира и Наташа. Они были подругами по жизни и оказались очень милыми, интересными

собеседницами. Как-то, во время обеденного перерыва, девушки сами пригласили меня за свой столик в кафе.

— Чтобы налаживать тесный контакт с новой сотрудницей — надо ловить её в нерабочей обстановке, — состроив уморительную гримасу, сказала светловолосая высокая девушка и предложила сесть рядом с ней. — Наташа.

— Надя, — пожалала я её сухую ладонь, шутливо протянутую мне в приветственно жесте.

— А я Ира, — подошла к нам черноволосая тоненькая девушка с подносом в руках, уставленным съестным: салаты, хлеб, тарелка с картофелем фри, котлета и два стакана апельсинового сока.

— Я на диете, — пояснила Наташа, забирая с разноса сок и фруктовый салат. Обернувшись к подруге, проворковала, — Ирунь, пасибки! Скока я тебе должна?

— А... — отмахнулась Ира, — как обычно: купишь мне мороженое.

Потом девушки переглянулись и наперебой завалили меня вопросами:

— А где ты живешь? Одна или с парнем? Почему к нам устроилась? Как Лероев собеседование провел?

Я едва успевала отвечать.

— Да, ладно, Нат. Дай поесть человеку,

видишь, она прожевать не успевает, — заступилась за меня Ира. — Пусть поест, потом расскажет.

Я благодарно улыбнулась и поспешила закончить со своим десертом — заварное пирожное, запила горячим чаем и приготовилась отвечать.

— Ух, везет тебе, Надя, не боишься пирожные трескать, — проговорила Наташа, пряча вздох, — А вот мне приходится несладко...

— А что так? — поинтересовалась я, оглядывая довольно стройную фигурку собеседницы. Не верилось, что у нее есть лишние килограммы.

— У меня на сладкое с детства диатез, вот и облизываюсь, да на диетах все время сидеть приходится. То одно нельзя есть, то другое... Аллергик я, каких поискать...

— Да, ладно тебе о грустном, — перебила её Ира. — Надь, расскажи лучше, как Лероев, сильно мучил тебя на собеседовании?

— Да нет, не сильно, — пожалала я плечами.

— Что спрашивал? Интересовался семейным положением? — Наташа хихикнула, — Неужели нет?

Я покачала головой.

— Странно, — девчонки переглянулись, — Ты хорошенькая, а он у нас любит женщин и не женат...

— Может, он испугался... — ответила я и, предугадав новый вопрос, поспешила пояснить, — Я сказала, что неплохо готовлю.

— Зачем? — хором спросили подруги.

— Ну-у, я подумала, раз он не верит в мой профессионализм, вдруг пригодятся мои кулинарные способности?

— Ой, не могу! — первой прыснула со смеху Ира, — Ну ты даешь?! Нат, представь его лицо: а покушать не хотите, господин Лероев? Может, салатик? Что, нет? А кашку?

— Хи-ха-хи! — Наташу сложило пополам от смеха, а из глаз прыснули слезы, — Нет, что вы, Надежда, я буду компот!

Девчонки рассмеялись — громко, задорно, и я не удержалась, тоже поддалась их веселью. Особенно им удалось красочно передать возможные мысли шефа. После, мы часто ходили обедать вместе. Кроме девчонок я пару раз встретила главного бухгалтера — Людмилу Ивановну, которая была свободным сотрудником, в основном она работала дома, в офисе появлялась редко. Она попросила у меня копию трудовой и равнодушно оповестила о том, что зарплата выдается пятнадцатого числа, а аванс первого. Вот на этом наше общение и закончилось.

Как-то после обеденного перерыва, вернувшись с Наташей и Ирой в офис, встретились

нос к носу с высокой пышной брюнеткой. Ярко накрашенная, загоревшая красавица, в легком летнем платье, задорно нам улыбнулась:

— Привет! А вот и я!

— Маринка! — в один голос завизжали девчонки и кинулись к девушке с объятьями, поцелуями и расспросами: Где была? Как отдохнула? Что отпуск, уже закончился?

— Отдохнула — класс! С моим благоверным были в круизе. Море, чайки и... — она лукаво взглянула на девушек, — вы не поверите, мы почти не покидали каюту, хм...

— Ох! — Наташа закатила глаза — Ну рассказывай же!

— Ага! Не томи! — Ирина, обняла подругу. — Фотки принесла?

— Девчонки — все будет и в пикантных подробностях, но не здесь, — она подмигнула и взглянула на золотые часики, — Время обеда, увы, стремительно несется к концу, а вы меня еще не познакомили с новым, я так понимаю, аналитиком.

— Надя, — представилась я, немного смущаясь от пристального взгляда васильковых глаз.

— Марина, — в ответ представилась девушка, — я менеджер по персоналу, менеджер продаж и...

— Просто хороший человечиче, —

продолжили за нее подруги.

— Все девчонки! — прервала она вдруг веселье и в её голосе появились металлические нотки начальницы, — Пора за работу. Я сегодня с неофициальным визитом, отпуск у меня заканчивается послезавтра, жду сегодня после работы всех троих у выхода. Поедем кутить в наш любимый «забегаловск». И без опозданий!

Она погрозила пальцем и, лучезарно улыбнувшись, выпорхнула за дверь офиса.

Как бы я хотела быть такой же — жизнерадостной и беспечной. Но, увы, даже тенью этой девушки не могла бы стать. С моим довольно скучным образом жизни, прилагался и соответствующий характер — спокойный нордический, иногда со вспышками рефлексии и крайне редко — эмоционального бунта.

В принципе меня все устраивало: и то, что живу одна в съемной квартире уже два года, как порвала отношения с родителями, и что парня у меня нет, с тех пор, как Вадик (которого я преданно ждала два года из армии, и каждый день писала ему письма) вернулся с беременной женой. С тех пор я перестала верить в любовь и искренность.

Но иногда, встречая вот таких Марин, мне хотелось стать такой же, как они и суметь перечеркнуть прошлое, чтобы начать всё сначала.

Вздыхнув я протопала в секретарскую, где

что-то сосредоточенно набирала на мониторе, громко щелкая клавишами, девушка-студентка. За неделю это была третья незнакомка. Как мне объяснила Анна Сергеевна — секретарь — это слабое место компании, редко какая девушка задерживалась на этом месте больше двух месяцев. Низкая зарплата и вечно на «побегушках» и не только у шефа, но и у сотрудников — мало кто выдержит. Со временем в «Лагуну» на эту должность пригласили студенток заочниц и разделили между ними рабочее время.

С утра на телефонные звонки отвечала одна девушка, в обед — другая, а к вечеру — третья. С Юлей и Тamarой я уже познакомилась, а эту симпатичную, чуть полноватую, раскрашенную, как кукла Барби, незнакомку увидела впервые.

— Извините, мне нужна папка с клиентской базой за прошлый год... — начала я, разглядывая надписи на корешках, стоящих в ряд в шкафу за её спиной, папок. Не обнаружив искомого, спросила, — Так, где она лежит?

Девушка никак на меня не отреагировала, продолжая давить на кнопки, будто не слышала. Похоже было на то, что меня приняли за пустое место, что задело мое самолюбие, причем — сильно.

— Простите, не знаю, как вас зовут, но, может быть, прерветесь на минутку? — пришлось

повысить голос, чего не любила, но еще больше мне не нравилось хамство в любом его проявлении. Я встала напротив девушки, и нависнув над монитором, закрыла его рукой.

— Ну и чё за хрень, снова опечатка! — ругнулась она, поднимая, наконец, рассерженный взгляд на меня, — Чё надо?

— Во-первых, не «чё», а что. И во-вторых, я попросила папку с клиентской базой за прошлый год.

— Во, бя... — во взгляде «Барби» появилась заинтересованность, — а вы вообще — кто?

— Хороший вопрос. Я вообще-то Надежда Викторовна, аналитик и работаю в этой компании, а вот вас вижу впервые и тоже интересно — кто вы и что здесь делаете? И, пожалуйста, ответьте мне связно и без нецензурных слов, иначе вызову охрану.

— Э-э, я Люда, Людмила Викторовна, я первый день тут работаю. Извините, не хотела грубить... — как выяснилось, девушка могла говорить и человеческим языком, — какую вам папку нужно?

Я повторила, и буквально через пару минут нужная папка оказалась в моих руках. Поблагодарив Люду за расторопность, собралась уйти, как услышала:

— Пожалуйста, никому не говорите, Надежда

Викторовна, это больше не повторится. Я увлеклась и забыла, где нахожусь.

Я пожала плечами и кивнула в ответ:

— Не скажу.

По всей видимости, за свое короткое пребывание в офисе — Марина успела всех одарить подарками. По крайней мере, в отделе аналитики появились откидные календари на каждом столе с заманчивыми видами курортов да желтыми пляжами. И мои «дамы» — Галина Петровна и Тамара Васильевна сияли улыбками Чеширского кота до самого вечера, хвалясь друг перед другом подарками Мариночки — морскими ракушками и браслетами из янтаря.

День прошел невероятно быстро. Без пяти шесть к нам заглянула Наташа, чтобы напомнить о вечеринке в тесном кругу подруг, и я немного приуныла. С одной стороны не хотела обижать девушек отказом, с другой — боялась оказаться среди них лишней. Немного подумав, решила все-таки ехать с девчонками, а там будь, что будет. Если не понравится, я всегда могу уйти. Насильно ведь меня никто держать не станет.

«Забегаловск», как выразилась Марина, оказался симпатичным местечком, чем-то средним между кафе и рестораном. Приятная обстановка, красивая музыка, расторопные официанты, вкусно приготовленные блюда.

Надо сказать, что добрались мы до места назначения минут за тридцать. Марина озаботилась личным шофером (с работы мужа), и нас не только довезли и услужливо помогли выйти из семиместного микроавтобуса, но и довели до двери ресторана. И еще этот дядечка по имени Антон пообещал развезти «милых дам» по домам, как только мы того пожелаем.

Красота — одним словом! Или сервис на высшем уровне.

— А почему — «забегаловск»? — спросила я, усаживаясь на мягкий угловой диванчик, стоящий у выбранного нами столика.

— Да тут раньше общепитовская кафешка была. Мы, когда учились, часто в ней обедали и так обозвали, а ресторан тут сделали года два назад, — ответила Ира, — Ты что пить будешь?

— Я... сок апельсиновый... — встретила с выжидательным взглядом подруг, — ну и минеральную воду...

— Да, это-то само собой, — встряла Наташа. — Надь, мы про спиртное: вино, водку, martini, пиво? Что любишь?

— Ну, если честно...

— Понятно, — сказала Марина, всунув мне в руки меню, — ты любишь сок и молоко, но мы-то сюда пришли отдыхать по-взрослому или как? Так что выбирай пока, а мы с девчонками сходим

носики припудрить.

Девушки друженько ушли, а я со вздохом погрузилась в изучение меню. Ну, да. Не любитель я застолий со спиртным. Пиво мне не нравится, водка не нравится еще больше, мартини не пробовала. Вино... можно бы, но в перечне не нашлось ни одного знакомого мне названия.

Немного поразмыслив, решила взять самое дорогое из красных вин. В меню их оказалось два вида: французское — Шевалье Лакассан красное (полусладкое) и итальянское — Кантине Сольдо, «Карневале ди Венеция» красное сухое. Я сделала выбор в пользу французского, надеясь, что подругам придется по вкусу мой заказ.

Девушки вернулись, о чем-то беседуя. Приземлившись рядом со мной, Наташа поинтересовалась:

— Что выбрала? Надеюсь, не белое?

— Нет, красное, — ответила я. — Думаю, на полусладкое ни у кого нет аллергии?

— У нас точно нет! — подмигнула мне Ира.

— И у меня нет, — нахмурилась Наташа, — На спиртное аллергия у меня не распространяется.

— Ага, наверное, градусы выравнивают баланс, — хихикнула Марина, — Надь, какое заказала-то?

Я не успела ответить, как к столику подошел официант — симпатичный юноша — и, приветливо

улыбнувшись, поставил на стол бутылку Шевалье, представился — Егором, а затем поинтересовался, что будут заказывать дамы.

Девчонки наперебой высказали свои пожелания, видно, им не требовалось для этого изучать меню — каждая заказала по разному салату и горячему блюду, а когда дошла очередь до меня, я растерялась, не зная, что попросить...

— Бери салат, как у меня — не пожалеешь! — прошептала Наташа. — А горячее — у Маринки самое вкусное и острое, мне такое нельзя.

— Морской салат, — сказала я и задумалась, потому что не расслышала, что заказала Марина, да и сильно острое мне не хотелось.

— Давай, как у меня, — предложила тут же Ира и заказа мне своё, не проговариваемое блюдо.

Официант ушел, а девушки принялись расспрашивать Марину о круизе. Я же слушала в пол уха, больше рассматривала интерьер кафе. Посмотреть было на что. Это и витражи на окнах, и столики в виде шахматной доски — с черно-белыми клетками на столешнице и ажурные шторы. Свет был приглушен — лампы, торшеры и бра тоже подчинены общему стилю — в виде шахматных фигур. У нас стоял черный конь с сияющей гривой, на столике напротив — белая ладья. С потолка свешивались черно-белые пешки — сияли ровным теплым светом. Егор принес салаты, и мы выпили

за встречу и знакомство. Вино оказалось очень приятным на вкус. Во всяком случае, я не заметила, чтобы кому-то из девушек оно не понравилось. По телу разлилось мягкое тепло и незаметно настроение у меня поднялось. Музыка, играющая в зале, навевала романтическое настроение, как оказалось не только на меня.

— Потанцевать бы, — вздохнула Наташа, обводя взглядом зал.

— Это после первой-то? — уколола её Ира. — Давай хоть после горячего? Я тогда составлю компанию, сейчас поесть охота.

Затем мы выпили по второй, по третьей, а потом заказали еще вино и мартини...

Когда я вышла из-за стола, чтобы пройти в уборную — почувствовала в голове легкий шум (немного захмелела) и подумала, что давно я так хорошо не проводила время. Последний раз была в ресторане с Вадиком, лет пять назад или даже больше...

Вернувшись, увидела, что мои подруги танцуют, да не в одиночестве, а с откуда-то взявшимися мужчинами. Не успела присесть за столик, как ко мне подошел высокий молодой человек и предложил составить ему компанию — пригласил на танец. Я не отказалась. Впрочем, и не пожалела — танцевал он превосходно.

Музыка неожиданно прервалась или же мне

это просто показалось. Было хорошо в сильных руках чувствовать себя по-настоящему хрупкой. Мужчина отвел меня к нашему столику и, прощаясь, шепнул свое имя — Вадик. О, лучше бы он этого не делал! Всплыли воспоминания, причём те о которых, думала, что давно забыла. Мои отношения с Вадиком промелькнули в душе, вызывая прежнюю боль, будто не было между ними долгих пяти лет.

— Что с тобой, Надюха? — Наташа наклонилась ко мне, протягивая минералку, — Вот выпей. Белая вся... голова кружится что ли? Не тошнит?

— Нет, — я отмахнулась, — все в порядке.

Минералку у нее не взяла, но зато налила себе мартини и, ничем не разбавляя, выпила почти залпом, как воду. Вкуса я не почувствовала. Правда, спустя мгновение, мои мысли немного расплылись, и стало легче.

— Ну ты, мать, даешь! — Наташа всё еще стояла рядом и ошарашено смотрела на меня. — Что случилось-то? Что тебе тот мужик сказал?

— Какой мужик, Наташа? Всё со мной в порядке, — ответила, надкусывая яблоко. Убеждая подругу, в первую очередь, убеждала в том же себя. — Я просто решила оттянуться, нельзя что ли?

— Да, можно... только учти — завтра на

работу надо... — ответила она так, будто мы были сейчас не в ресторане, а в офисе или на автобусной остановке.

Слишком будничным показался её тон. Я огляделась. Ира рассматривала себя в зеркало, Марина набирала чей-то номер на мобильном.

«Странно, как это девчонки не захмелели от всего выпитого нами. Может быть, у них есть опыт?» — подумала между делом, поднимаясь из-за столика.

— Ты куда? — поинтересовалась Ира, подкрашивая губы.

— Т-танцева-ать, — проговорила я, отмечая, что язык почему-то стал заплетаться, а пол под ногами вдруг стал шатким, как палуба.

— О, мать, стой! — Наташа преградила мне путь и, схватив в охапку, почти силком усадила на диванчик, — Оттанцевалась ты на сегодня...

Я попробовала сопротивляться. Что-то там говорила насчет совершеннолетия и что сама могу за себя решать. Впрочем, последние свои слова и действия помню с трудом. Все плыло перед глазами по кругу, а конь на нашем столике вдруг ожил и теперь скалился в довольной улыбке да громко ржал. По-моему, я даже попыталась за ним повторить.

— Девчонки, хватайте Надьку, Антон через пять минут подъедет. Пойдемте-ка, на воздух, —

послышался откуда-то издалека голос Марины. — С чего это её так развезло?

— Дак она, — это уже Наташа, — налила мартини в стакан с водкой, блин! Я предупредить не успела. Мой ухажер поставил, когда танцевали...

— И что? — ввинтился в мозг звонкий голос Иры, вызывая непередаваемые ощущения, — Она выпила?

— Ага. Залпом!

Дальше я, кажется, что-то пыталась возразить, но на полуслове отключилась. Очнулась уже в машине от того, что кто-то настойчиво пытался меня растормошить.

— Надя! Адрес назови!

— Надя, где ты живешь?!

— Надя, адрес! — вразнобой раздавались голоса в моей голове.

— Т-там! — отмахнулась я ото всех сразу.

Мне жутко хотелось спать, а еще, чтобы меня не трогали. Проваливаясь в пустоту, я услышала вопрос, который озадачил меня не хуже того, кто его задавал:

— Так и куда её везти?!

— До-мой! — ответила кому-то непонятливому и вновь отключилась от окружающего мира.

Глава 3

Тягостное чувство не то досады, не то разочарования сменилось мимолетным падением, послышались резкие звуки, в полуприкрытых глазах замелькали яркие всполохи, а потом полная тишина и тьма такая, будто сидишь на дне глубокой ямы, которая закрыта плотной крышкой. С одной стороны — хорошо. Никто не беспокоит, ничто не тревожит. С другой — жутко. Томит надоедливая мысль: «Вдруг это навсегда?»

Отмахиваюсь от нее. Я знаю, что всё пройдет. И паника постепенно отпускает. Сны без сновидений — редко, но случались в моей жизни.

Пробуждаясь, услышала легкое поскрипывание половиц, затем бабушкин голос, немного забытый, но очень родной.

— Вставай, Наденька. Идем, погуляем. Чудесная погода нынче...

Просыпаться совсем не хотелось. Голова раскалывалась от пульсирующей боли, но я послушно зевнула, открыла глаза. И слегка опешила: где это я? Место моего пребывания меньше всего напоминало бабушкину горницу.

Утро, правда, выдалось солнечным. Я зажмурилась, а потом уставилась на высокий светлый потолок, по которому резвились солнечные зайцы. Он не шел ни в какое сравнение с тем, что

был в моей квартире — серым и давно требующим побелки.

Через чуть распахнутое окно проникал прохладный ветерок и перебирал темно-синие, с легким орнаментом по краю, занавески.

Тахта подо мной слегка закрипела, когда я попробовала сесть. Голова закружилась, а к горлу подступил тошнотворный ком.

«Блин! Меня же сейчас стошнит!» — панически подумала, соскакивая с постели. Ухватилась за стену, чтобы не упасть, так как комната расплывалась кругами. Я постаралась как можно быстрее найти в чужой квартире унитаз. К счастью, долго идти не пришлось. Выглянув в коридор, быстро сообразила, что в одной из дверей напротив меня должно быть искомое. И не ошиблась. Поговорив по душам с «Ихтиандром», поняла, что выпила вчера лишнего и стало стыдно за себя. И еще очень хотелось узнать: где, вернее, у кого все-таки нахожусь? Оторвала туалетную бумагу, вытерла лицо, смыла за собой и, поднявшись на дрожащие ноги, выглянула в коридор. Откуда-то доносился незнакомый голос. Чуть хриловатый, но все-таки женский. По звуку закипающего чайника, поняла, что разговаривают на кухне.

На цыпочках я прокралась к ванной, включила свет и ужаснулась своему отражению. Нечто

бледно-зеленое, взлохмаченное, с кругами под глазами выглядывало на меня из зазеркалья.

— Ой, мамочки... — произнесло оно со мной в один голос.

И все сомнения отпали. Этим чучелом была я.

Умывшись ледяной водой, согнала с себя сон, правда, головная боль отчего-то только усилилась. Вздохнув, я пригладила топорщащиеся во все стороны волосы, решила еще раз взглянуть в зеркало. Впрочем, отражение почти не изменилось. Чем привело меня в ужас: «Мне ведь на работу собираться надо!» От одной мысли, что приду в таком виде — захотелось провалиться сквозь землю. Моя одежда была порядком измята. Некто, приютивший меня на ночь, наверное, не решился переодеть свою гостью. С одной стороны, может быть, это и к лучшему. С другой — в таком виде нельзя появиться даже на лестничной клетке, чтобы вынести мусор. Соседи примут за бомжа, не иначе.

Я вышла из ванной и направилась в сторону доносившегося до меня голоса. Хотелось отблагодарить хозяина (или хозяйку) за приют, да попрощаться. Нужно было заехать домой, и потом что-нибудь придумать в оправдание для начальства. За прогул меня явно никто по головке не погладит, но идти сегодня в офис — очень не хотелось.

— Да-да, хорошо! Всех целую! До завтра, — услышала все тот же неизвестный голос и,

приоткрыв кухонную дверь, хотела было поздороваться, но опешила.

— А-а-а! А-а-а-а-а-а!! — заголосила я что было мочи и отступила на шаг назад, пытаюсь найти рукой что-нибудь тяжелое, чтобы швырнуть в это вылупившееся на меня чудовище и орущее вместе со мной в один голос.

Некто или нечто зелёномордое, в красных пупырышках, в розовом халате и разноцветных бигудях вызвало не то что страх, а ужас в моем больном воображении.

Инопланетянка вдруг замолчала, и рявкнула на меня с укором в голосе:

— Надька — сука! Ты чего орешь? Ошалела что ли? Так и до инфаркта недолго! — она схватилась за сердце, — Напугала, блин, до мурашек!

— Марина?! — я тоже замолчала и, оглядывая изменившуюся до неузнаваемости подругу, спросила, — А ты чего позеленела?

— Поживешь с моё — квакать научишься! — ехидно ответила она и вдруг захохотала.

Я, схватившись за живот, присела рядом с ней, не удерживая истерический смех...

— Блин, я шла тебя будить, а ты тут орешь, как полоумная! — сквозь смех ответила она, — Я все утро тебя отмазываю на работе, а ты тут подкрадываешься...

— Прости, Марин... не узнала, — хихикнула я, — у тебя такой вид!

— На себя посмотри, — буркнула Марина. — Я и тебе приготовила маску для лица из водорослей и лесных ягод. Садись, сейчас из тебя человека делать буду.

Спустя десять минут, я стала копией подруги, вернее, зелёномордого чудовища. Теперь нас было двое. И позвонившая в дверь соседка, которая якобы пришла за солью, побледнев сказала, что зайдет попозже.

Марина закрыла за ней дверь и, оглянувшись на меня, удивленно проговорила:

— Странно, и чего все пугаются? По-моему, очень даже симпатично. Главное, эффект потом такой — будто заново родилась! Идем смывать!

Еще минут через пятнадцать я, действительно, приняла человеческий вид и, глядя на себя в зеркало, больше не хотелось — ни вопить, ни хмуриться. Вполне себе получилось симпатичное личико.

— Вот! Что я тебе говорила! — Марина светилась счастьем. Потом посмотрела на часы, — О! Давай допивай кофе и вперед. Через полчаса ты должна быть в офисе.

Благодаря стараниям подруги, я чувствовала себя теперь совсем даже неплохо. Анти-похмелин, контрастный душ, маска для лица и крепкий кофе

— сделали-таки из меня человека. Марина подобрала мне блузку из своего гардероба и юбку, которая оказалась немного широкой мне в поясе, но мы решили проблему с помощью симпатичного ремешка. Затянув его на мне, чуть присборили юбку — вышло вполне прилично.

— Значит так: вот, держи мой талончик. Ты была сегодня у стоматолога. Я сказала всем, что будешь к одиннадцати, так что у тебя ровно пятнадцать минут, чтобы добраться до офиса — инструктировала меня Марина в прихожей, пока я подкрашивала губы, — Если спросят — кто лечил, ответишь — крупный дядька, с еврейской фамилией. Фамилию ты не помнишь. Поняла?

— Почему не помню? — возразила я. — Память у меня хорошая.

— Да я сама запомнила её со второй попытки — Цымпельман Эдуард Альбертович — запомнишь?

— Цымпельмен...

— Ман! Цымпельман! — улыбнулась Марина, — Я же говорила. Но, если не запомнишь — не беда, скажешь как-нибудь. Кукушкина тоже ходит в ту поликлинику, проверит ведь, зараза. Специально спросит. Талончик ей покажешь, я там единицу, на четверку исправила, но вроде незаметно.

— Хорошо, Марин. Спасибо!

— Да, ладно тебе. Беги, а то опоздаешь! — подруга обняла меня, чмокнула в щеку и вытолкнула за дверь, — Остановка возле дома, автобус восьмой или одиннадцатый. Ехать — пять минут! Удачи!

Нужный мне транспорт подошел быстро, время в запасе — имелось, но я влетела в офис, как ошпаренная. Не любила опаздывать, а тут еще и задержалась довольно прилично. Не умею врать, поэтому очень обрадовалась тому, что никто из начальства по пути мне не встретился. Поздоровавшись с охранником, я быстренько прошмыгнула в кабинет, где кроме Галины Петровны, хозяйничала невысокая худощавая девушка. Её рыжие волнистые волосы были собраны в хвост. Незнакомка стояла ко мне спиной и что-то искала на полке шкафа, стоящего между нашими столами.

— Блин, тетя Галь, а эта новенькая, куда она мою папку с курортными зонами впихнула? Ты не видела?

— Нет, не видела, — Галина Петровна хмуро окинула взглядом, мол, где меня с утра черти носят. — Да вот, и она, наша Надя. Опоздала, но хоть пришла. У неё про свои папки и спрашивай.

— Доброе всем утро! — сказала я и, как ни в чем не бывало, протопала к своему рабочему месту. То, что незнакомка — это вернувшаяся из отпуска

Катя, я догадалась почти сразу. Папка, которая ей была так необходима, стояла на своем месте, в правом углу. Но снизу девушка не могла её заметить, рост не позволял. Я легко дотянулась до нужного корешка и подала увесистый том с документами, неприветливо смотрешей на меня из-под очков, сотруднице. — Эта нужна?

— Угу. В следующий раз ставь её на две полки ниже, — буркнула она и отвернулась, ушла работать за свой стол.

Я включила компьютер и пока проверяла почту да планировала день, откуда-то вернулась Тамара Васильевна.

— О, Наденька! А мне Кукушкина сказала, что ты заболела. Что случилось? Где ты была? — похоже, она оказалась единственным человеком в нашем кабинете, кому я не была безразлична.

— Да, все в порядке, Тамара Васильевна. Я просто к стоматологу ходила... — ответила, пряча взгляд.

Ни Галина Петровна, ни Катя не подняли от своих папок головы, будто бы не слышали нашу беседу.

— А-а. Ну, тогда — не беда, — подмигнула Тамара Васильевна мне, зарываясь в папки с бумагами и бухгалтерскими отчетами, — Это дело поправимо.

День принял свой обычный ход. Я разбирала

путевки предстоящего сезона, подбирала отели и туры, когда раздался внутренний звонок. Подпрыгнув от неожиданности, сняла трубку:

— Да, слушаю.

— Кто это? — раздался мужской голос, который явно принадлежал шефу. — Надя или Катя?

Мы с ним не виделись со дня моего собеседования. Почти три недели я не слышала его голоса и тут даже растерялась, не зная, чего от него можно ждать. Мне рассказывали, что наш руководитель весьма импульсивный и непостоянный человек. С ним приходилось нелегко, особенно доставалось его помощникам и секретарю.

— Надя.

— О, вы-то мне и нужны! — обрадовался шеф, а у меня вспотели от волнения ладони, — Зайдите ко мне, да захватите с собой блокнот и ручку. Будете записывать.

Я положила трубку и, прихватив с собой требуемое, выскочила за дверь. В кабинет директора протиснулась бочком. Чувствовала себя неловко, все время казалось, что юбка съезжает на бок, а блузка слишком открывает декольте. Я нервничала, но старалась сохранять хладнокровие. Шеф коротко кивнул и указал на кресло, при этом сам с кем-то разговаривал по телефону. Я удобно

устроилась и раскрыла блокнот, приготовилась записывать распоряжения начальства.

— Да. Жду, — директор положил трубку и задумчиво посмотрел на меня, будто вспоминая за чем позвал. — М-мм, Надежда Викторовна, вы взяли блокнот? Отлично. Эх, мало времени...

Всеволод Константинович раздраженно посмотрел на часы и поднялся из-за стола, прошел мимо меня к окну, потом вернулся обратно:

— Идемте к машине, там и поговорим. До магазина я вас подброшу, благо по пути, назад приедете сами.

— До какого магазина? — удивленно моргая, я поднялась из кресла и машинально поправила юбку, наблюдая за действиями мужчины.

— «Охотник и рыбак», — невозмутимо ответил тот, складывая в карман пиджака какие-то документы и ключи от машины. — Я еду встречать нашего возможного партнера. Сам не успеваю. Поможете мне вы. Не на секретаршу же мне надеяться? А Марина в отпуске. Берите там ваши... что там у вас — сумочку, документы? И бегом! Времени в обрез!

Я пулей влетела в кабинет, подхватила сумочку и на ходу всунула в нее блокнот с ручкой.

— Надь, ты куда это? — успела спросить Галина Петровна.

Отвечать я не стала. Может быть, это было и

невежливо с моей стороны, но на тот момент предпочла поспешить к выходу. Тем более, что моё промедление грозило вылиться в неприятности. Лероев ждал у лифта. Едва я вошла, он отпустил кнопку. Оказавшись рядом, так близко, что чувствовался немного пряный, но довольно приятный запах его дорогого одеколона, я опустила глаза, делая вид, что рассматриваю носки своих туфель. Директор же, не стесняясь, разглядывал меня, будто впервые увидел. Чувствовала его взгляд, но не успела на него ответить, лифт вовремя распахнулся. И мне ничего не оставалось, как почти бегом следовать за Всеволодом Константиновичем до его серого БМВ, отмечая, что у шефа довольно быстрая летящая походка. Или, быть может, он просто очень торопился.

Пристегнувшись, мы сорвались с места, так, будто за нами гналась стая разъяренных волков — не иначе. Впрочем, водил Лероев первоклассно, этого нельзя было не отметить. Следя за дорогой, он отдавал мне четкие указания по поводу покупок. Я записывала все в блокнот, боялась упустить хоть слово, тем более, что совсем ничего не понимала в рыбоводческой кухне. Оказалось, что приезжал какой-то важный француз — ресторатор, миллионер, меценат. Директор имел на него определенные планы, хотел заключить взаимовыгодную сделку. И, чтобы как-то

расположить к себе гостя, решил вывезти его на рыбалку, тем более, что тот был заядлый рыболов.

— Вот только, Надежда Викторовна, у меня беда, — продолжил вводить меня в курс дела шеф, — Удочка сломалась, а новую так и не купил, все забывал. Так что сегодня вы отвечаете за успех в нашем деле. Успели записать названия?

— Да.

— Покажите.

Пробежав взглядом по моим записям, Всеволод Константинович удовлетворенно кивнул.

Мы свернули в проулок и остановились у довольно приметной вывески. Лероев вынул из кармана объемный конверт:

— Здесь должно на все хватить: и на удочку, и на... — тут он немного замялся, а я уже вышла из машины и выжидательно уставилась на него. Потом шеф все-таки нашел, что сказать, но лучше было бы ему промолчать, — Я бы хотел, Надежда Викторовна, чтобы вы присутствовали на банкете. Но в таком виде не годится. Купите себе что-нибудь на вечер.

Немного опешив от откровения руководителя, я захлопнула дверцу, и БМВ сорвался с места. Когда он скрылся из виду, во мне закипела ярость. Кроме того, что из меня сделали девочку на побегушках, еще и мой внешний вид его не устраивает? Да по какому такому праву он

указывает — в чем мне ходить? И банкет — да не собираюсь я там быть и точка!

Топнув с досады ногой, я закусила почти до крови губу, чтобы не разреветься, и отправилась за рыболовными принадлежностями. Зашла в магазин. Мелодичный звонок на входе оповестил о моем прибытии продавца и тот, поздоровавшись, незамедлительно предложил свои услуги. Я достала блокнот: так, что там у нас первым по списку?

— Мне нужно: две катушки для спиннинга Daiwa REGAL XIA 3500, Воблер Vib Mia J-302, Воблер Pony Crank M-Shad... — пока перечисляла, в голове родился план, как насолить шефу.

Из магазина я вышла в приподнятом настроении и, вызвав такси, минут через пятнадцать была на месте. Рассчиталась с таксистом деньгами Лероева и, напевая, пошла к зданию офиса, держа в руках увесистые пакеты с покупками.

Недолго думая, со всем своим «богатством» в виде двух удочек и всяких нужных для них штук, я направилась к секретарю. Орлов, столкнувшись со мной на входе, присвистнул да едва не вывернул себе шею — так заинтересовало его содержимое пакетов:

— Надь, никак рыбачить собралась?

— Точно, — ответила, не оборачиваясь, — выходные ведь впереди!

Сегодня на посту была Люда. Девушка

удивленно уставилась на меня, вернее на то, что торчало в моих руках.

— Э-э... это что? — привстала она с места и вышла из-за стола, — Удочки что ли?

— Да. Они самые, — я опустила пакеты на стул в углу и обернулась к секретарше.

— Значит так, Людмила. За это имущество отвечаешь головой! Лероев мне велел всё это купить, а тебе — сохранить до его приезда в офис. Как появится он со своим гостем, передашь ему. Но так, чтобы гость не заметил. Поняла?

— Как это, чтобы не заметил? — захлопала девушка пушистыми ресницами, — Они же длинные...

— Думай, Людочка, думай, — пожала я плечами и поспешила уйти с поля боя.

Интересно было бы посмотреть, как она справится с задачей, но в то же время — очень не хотелось больше попадаться на глаза шефу.

Конечно, не честно было с моей стороны подставлять девушку, но своя шкура ближе. Да и самое большое, что могло произойти, если она неправильно выполнит мое поручение — Лероев просто поорет на неё, впрочем, при госте вряд ли станет спускать на Людочку «всех собак». Может, поворчит немного для порядка и всех дел-то. Встречаться в этот день еще раз с директором я не собиралась, потому что прекрасно понимала —

зачем он хотел меня приодеть. Француз прилетает к нему, вот пусть сам его и развлекает. Банкет в мои вечерние планы — никак не вписывался. Я чуть ли не молилась, чтобы рейс задержался, а потом, чтобы шеф с гостем попали в жуткую пробку, и к моменту их приезда в офис, мой рабочий день уже бы закончился.

— О, явилась, не запылилась! — встретила меня такими словами Галина Петровна. — Куда летала-то?

— Ездил по поручению руководителя, — ответила ей спокойно, но так хотелось нагрубить, сказать, что вообще-то это не её дело, она мне не начальница, чтобы следить за каждым шагом. Но наживать себе врага в первый же месяц работы было, по крайней мере, глупо и я сдержалась. Прошла на своё рабочее место.

— А-а, так вот как теперь это называется... — Галина Петровна, видимо, очень хотела поскандалить.

— Галя, перестань! — осадил её Тамара Васильевна.

— Нет, отчего же? Пусть продолжает, — возразила я, — И как же по-вашему, Галина Петровна, можно это назвать? То есть, если я по поручению руководства буду ездить за покупками в магазин или, допустим, в аэропорт встречать гостей — вы это назовете по-своему. Мне очень

интересно, как?

— Никак, — Галина Петровна отвернулась к монитору и пробурчала будто лишь для себя, но услышали её все, — хвостом перед мужиком крутить во все времена одним словом называется...

— Теть Галь, — пока я приходила в себя, Катя впервые подала голос, — Это уже перебор. Лероев сам кому хочешь голову вскружит, Надя тут ни причем. Что ты на нее так взъелась?

— А ты бы не встревала! — Галина Петровна продолжала концерт, — Я что слепая, не вижу ничего?

— Галина Петровна, с вашим отличным зрением вам не здесь работать надо, а в полиции, в отделе нравов, — я рассмеялась, — Нет, увидеть такое, о чем я и подумать не могла. Простите, но это полный бред! Вы, наверное, не выспались сегодня?

— Галь, действительно, какая тебя муха укусила сегодня? — Тамара Васильевна все еще пыталась решить конфликт мирно.

— Нет, она еще и хохочет! — Галина Петровна завелась не на шутку. — Совсем стыд девка потеряла! Работает тут две недели и все туда же — в постель!

После этих её слов в кабинете повисла звенящая тишина. Теперь все зависело от моей реакции. С одной стороны мне было чертовски

обидно. Меня приняли за шлюху, но с другой стороны — поддаться истерике, значит, показать свою слабость и фактически подписаться под словами нашего экономиста.

Я обвела всех взглядом и спокойно произнесла:

— Мне приятно, что мой моральный облик так волнует моих коллег. Я уважаю вас, Галина Петровна, и ваше мнение. Но на этот раз вы не правы. Считайте, что последней вашей реплики я не услышала. А сейчас, извините, мне надо работать, да и вам тоже, — с этими словами я отвернулась к монитору и занялась теми путевками, от которых меня оторвал Лероев. Сосредоточившись на делах, постаралась заглушить в себе обиду.

— Пойдем, покурим? — возле меня присела Катя и, подмигивая, шепнула, — Выйдем, обсудить кое-что надо.

Я нехотя вышла за ней, догадываясь о том, что именно будем обсуждать. В курилке — месте, специально выделенном на лестничной клетке, за лифтом — никого кроме нас не было. Я прислонилась к приоткрытому окну и выжидательно сложила руки на груди. Катя не спешила с разговором. Она с наслаждением травила себя табаком вкупе с ментолом. После очередной затяжки, Катерина решила-таки подать голос:

— Ты не сердись на тетя Галю. Она не со зла.

Сейчас проревётся, прощение у тебя попросит. Просто... столько тут до тебя уже девочек побывало, и почти каждая прошла через Лероева. Вот она и подумала... Зря, конечно.

— И ты прошла? — почему-то спросила я. — Через Лероева?

— И я... — она сделала новую затяжку. Выпуская дым, проговорила так же спокойно, как и раньше, — он умеет сделать так, что и не заметишь, как окажешься с ним на одной койке, а потом — найдет тебе замену. Да так, что и в обиде не останешься. Он мне мать вылечил, брата от тюрьги спас. Так что мы в расчёте с ним, по полной.

Я посмотрела на Катю другими глазами. В принципе, если убрать с её лица уродливые очки, она довольно симпатичная. Но представить эту девушку рядом с Лероевым все равно не получалось. Слишком разные весовые и материальные категории. Впрочем, мужчин трудно понять, почему они порой проходят мимо умных красивых женщин и выбирают себе глупых дурнушек. Катя была милой и только. Что еще меня поразило, так это её полное равнодушие к собственной судьбе, чувствам, в конце концов. Даже Галина Петровна выразила своё отношение, причем так, что запомнится надолго, да и не только мне.

— Ты его любила? — решила я ещё на один

вопрос.

— Хм... любила... — она посмотрела на меня так, словно только что увидела. Поправив очки, ответила вопросом на вопрос, — Разве такого можно — не любить?

— Тогда я не понимаю, — действительно, у меня в голове не укладывалось, как можно так спокойно говорить о любимом, пусть и в прошлом, человеке. Холодно. Отстранённо, будто о чужом.

— И не поймешь, пока на себе не испытаешь силу его обаяния, а потом — презрения. Он умеет добиться своего, уж поверь мне. Умеет и разжечь огонь и потушить так, что еще и благодарить станешь за то, что не обжег. — Катя затушила сигарету. — Идем, мне ещё для Кукушкиной список напечатать надо.

Обдумав все вышесказанное Катей, я пришла к выводу, что зря подставляю Люду. Очень уж не хотелось бы нести ответственность за еще одну сломанную судьбу. В то, что шеф не оставит девушку без внимания — как-то верилось с трудом, поскольку внешние данные Людочки впечатляли даже женщин, а мужчины так и застревали взглядом на её высоких стройных ногах и выдающемся бюсте. Потеряв в качестве спутницы меня, Лероев легко мог переключиться на симпатичную сотрудницу. Да, дилемма.

Вернувшись в кабинет, я получила в качестве

извинения шоколадку и искренние заверения в том, что Галина Петровна больше так не будет. Впрочем, словесное объяснение шло от Тамары Васильевны, так как наш экономист, украдкой вытирая слезы, пила валерьянку, успокаивая расшалившиеся не ко времени нервы.

— Мир, так мир, — сказала я. — Спасибо за шоколад, я как раз пообедать забыла.

За такими волнениями, можно было забыть и не это. Вздохнув, взяла сумочку и прошла в коридор. Там стоял кулер с водой и автомат с кофе как раз напротив поста охранника.

— Надь, ты что ли Галину до слез довела? — Орлов с любопытством поглядывал на меня из-за своего пульта наблюдения.

— Можно и так сказать, — ответила, набирая в стаканчик воды и, чтобы сменить тему разговора, спросила о шефе, — Лероев не звонил?

— Как же! Звонил. Кукушкина минут пятнадцать, как убежала его заказ выполнять. В ресторане сегодня будут гостя улаживать. Вначале в офис заявятся, потом туда, — Орлов прищурился, — А ты что? Не в курсе? С ним же вроде ездила...

— Ну вот, и вы о том же! — рассердилась я, будто сговорились все — обвинить меня во всех смертных грехах. — Я одна ездила, по его просьбе. А где шеф и с кем — не моя забота.

— А раз не твоя, чего тогда спрашиваешь? —
почесал в затылке Вадим Михайлович.

— Удочки хочу отдать.

— А-а, так это его?

— Ну, не мои же, — улыбнулась я, — Я и
рыбачить-то не умею.

— Понимаю... О, лёгок на помине. Вот, идут
сюда! — воскликнул Орлов, распахивая перед
гостями дверь.

Я чуть не выронила стаканчик из рук.
Убежать теперь не получится при всем желании.
Меня заметили. Оставалось лишь перейти в
наступление.

Директор с явным неодобрением качнул
головой, пробегая взглядом по моей скромной
персоне. Видимо, он желал видеть меня в вечернем
платье.

«Ну, уж нет, господин Лероев, не на ту
напали! Исполнять любой каприз, даже за ваши
деньги, я не намерена!» — подумала между тем и,
улыбаясь, смело протянула низенькому, чуть
пухленькому французу руку для приветствия.

— *Bonjour monsieur!*

Когда заметила, как при этом на меня
посмотрел Всеволод Константинович, захотелось
сбежать подальше, но я ни одним жестом не выдала
свой страх. Вот еще! Мой прадед при Бородино
сражался, так мне ли отступить перед французами?!

Глава 4

В ресторане, носившем звучное название — «Империя», тихо играла ненавязчивая мелодия, кажется, что-то из сонат Бетховена, но в современной обработке. Это заведение сильно отличалось от того, в котором мы были с девушками — солидностью, роскошью и тем, что вход сюда был не для всех. Лучший ресторан города привечал лишь лучших людей города, а у тех, конечно же, были с собой лучшие кошельки, набитые до отказа шуршащими банкнотами.

Я огляделась. Убранство в классическом стиле. Ничего лишнего и в тоже время понимаешь, что эти светлые шторы на окнах и тонкие белоснежные скатерти на столах — стоят не меньше половины твоей зарплаты. Квадратные столики и стулья, приставленные к ним, по виду очень похожие на тот гарнитур, который с удовольствием кромсали герои в книге Ильфа и Петрова вызвали мою улыбку и в тоже время недоумение — что я здесь делаю? Мой внешний вид никак не соприкасался с роскошью «Империи», и на меня тут смотрели довольно подозрительно, но я пришла с нужными людьми, поэтому никто и рта не раскрыл. Правда, будь одна, меня бы сюда и на порог не пустили не то что в лучший зал, за лучший

столик. Благо он оказался не в центре, а в уединенном уголке за стойкой бара. Мы не были на виду, зато с этого места прекрасно просматривалось все заведение, пока ещё незаполненное посетителями.

Как я позволила себя уговорить на эту авантюру? У меня до сих пор плохо укладывалось в голове. Ведь хотела лишь отдать удочки Лероеву и вернуть ему неиспользованные деньги. Когда поприветствовала француза, то мило улыбнулась ему и осторожно, бочком пробралась к шефу, пока гость осматривался. Затем я вежливо отозвала Лероева в сторону, дабы доложить о том, что покупки сделала и их можно забрать из секретарской.

— Вы купили что-то себе? — задал шеф «наиважнейший» вопрос.

— Нет, — ответила я, слегка улыбнувшись глазевшему на меня французу, — Деньги сейчас вернуть?

Директор изменился в лице и чуть ли не зашипел, едва я расстегнула сумочку:

— Не сейчас...

Он обернулся к гостю, что-то сказал тому по-французски и, потянув меня за локоть, чуть ли не силой впихнул в секретарскую. При этом шеф плотно закрыл за собой дверь. Людочка уставилась на нас во все глаза. Она соскочила с места,

намереваясь уйти, но резко передумала и отошла подальше от своего стола, прижалась между окном и стеной. Видимо, ей ещё не приходилось иметь дело с разъяренным директором. Мне, кстати, тоже.

— Вы что делаете, Надежда Викторовна? Что за концерт вы мне тут устроили и по какому праву? — навис он надо мной, не обращая внимания на перепуганную Люду. — Вы, в-вообще, в своем уме?

— Я в своем уме, — ответила, освобождаясь из его цепких пальцев, — Вот ваши удочки.

— Какие к черту удочки! — взревел Лероев, не глядя на пакеты, но с опаской покосился на дверь и чуть тише проорал еще раз, — Какие к черту удочки! Почему вы не выполнили мою просьбу? Почему не купили платье?

— Я выполнила. Удочки купила — дорогие и очень хорошие — и всяких штукювин к ним набрала. Все, что есть в вашем списке...

— Вы издеваетесь, да? — было похоже, что шеф вот-вот взорвется, как бочка с порохом.

— Нет. Я выполнила все, о чём вы просили меня. Платья в списке нет, — я вытащила блокнот и конверт с деньгами, — Забыла сказать, я ещё немного потратилась на такси.

Лероев посмотрел на меня бешеными глазами, и показалось, что вот-вот разорвет на части. Но он вдруг отвел взгляд. Глубоко вздохнул и, не

поворачивая ко мне головы, медленно произнес:

— Значит, так: мне нужна спутница на этот вечер. Марина в отпуске и выбор у меня небольшой. Если вы, Надежда Викторовна, не можете пойти со мной, я приглашаю Людмилу. До конца рабочего дня осталось два с половиной часа. Если со мной пойдет секретарь, вы будете работать за неё. Деньги оставьте себе — это ваш аванс. Через пятнадцать минут жду кого-нибудь из вас в своем кабинете.

Шеф вышел, громко хлопнув дверью, а мы с Людой уставились друг на друга в немом оцепенении.

— Абалдеть... — только и вымолвила девушка, отлипая от стены и опускаясь на стул, — а он вообще в курсе, что я учусь? Я не могу. У меня завтра экзамен.

— Я тоже не могу...

— Тоже экзамен? Блин, как в сериале. Орал-то как! Мамочки мои!.. — Люда закрыла лицо руками, — Что делать-то теперь?

— Ничего не делать, — пожала я плечами, успокаиваясь. — Я пойду. Ты удочки в шкаф убери и никому ни слова. Хорошо?

Девушка закивала и, облегченно вздохнув, с энтузиазмом занялась пакетами. Я, будто очнувшись от кошмарного сна, выпустила, наконец, из рук стаканчик. Оказывается, все еще сжимала

его в пальцах. И на негнущихся ногах отправилась в сторону личной голгофы — к директорскому кабинету.

Лероев будто не заметил меня, даже не удостоил взглядом. Лишь, выходя из кабинета, взял под руку, наверное, чтобы не сбежала по пути. За все время, пока ехали до ресторана, мы с ним не обмолвились ни единым словом. При этом он непринужденно болтал со своим словоохотливым гостем.

В ресторане нас проводили за столик, который успела забронировать Кукушкина. Сама она появилась, как будто из неоткуда. Пока я перелистывала меню, начальница заняла место напротив меня:

— Надеюсь, самое вкусное ещё не съели? — попыталась пошутить Анна Сергеевна.

Всеволод Константинович её заверил в том, что она появилась здесь вовремя и вновь занялся гостем.

Не понимая французскую речь, я старалась не раздражать шефа и не лезла в разговор. Улыбалась и только. Чувствовала себя при этом так, словно случайно попала в параллельный мир, и очень хотелось поскорее оттуда сбежать. Анна Сергеевна, в отличие от меня, выглядела шикарно — элегантное черное платье, вечерний макияж, удачно подобранная бижутерия — делали её почти

неузнаваемой. Да к тому же, оказалось, она неплохо владеет французским. Они шутили с Полем (полное имя гостя Поль Одилон Лё Корбюзье — уходило корнями в средневековье, как успел мне шепнуть шеф) и он задорно смеялся, совсем, как мальчишка, при этом на его щеках появлялись очаровательные ямочки. Если бы это лицо принадлежало женщине, можно было бы назвать его милым. Но для привлекательности оно было слишком бедным, мне в нем чего-то не хватало. Возможно, небольшой грубоватости, присущей мужским чертам. За такими размышлениями не однократно посещала мысль о том, что мне здесь не место.

К столику подошел официант, принял заказ. Я попросила апельсиновый сок.

— И только? — брови шефа приподнялись домиком, — Почему вы ничего не заказываете?

— Я не голодна.

— Чушь, — ответил он, поморщившись, — На цену зря смотрите. Но раз не выбрали, позвольте я угощу вас. Выберу на свой вкус?

— Соглашайтесь, Надя, — шепнула мне Кукушкина, — Не пожалеете. Вкус у Всеволода Константиновича — отменный.

— Хорошо, — сказала я, — Но только немного. Иначе, не съем.

Шеф усмехнулся, продиктовал официанту названия блюд и отпустил его да о чем-то

перемолвился с улыбчивым Полем. Тот ответил что-то, указывая взглядом на меня.

— Поль просит вам передать, Надежда Викторовна, что с вашей фигурой можно кушать все, что угодно и не бояться никаких диет. Вы, как настоящая француженка — тонкая, изящная, невероятно симпатичная. Просто околдовали его.

— Поблагодарите от меня господина Поля за комплимент, — ответила я, немного смущаясь под пристальными взглядами мужчин, — Жаль, я не знаю французского, мы могли бы найти с ним общий язык.

— Так в чем же дело? — Анна Сергеевна странно глянула на меня, — Ты знаешь английский. Поль свободно им владеет. Можешь поблагодарить сама.

Я посмотрела на шефа. Он, похоже, не собирался информировать меня об этой особенности нашего гостя. Очень интересно — почему? Естественно, вслух я не стала задавать каких-либо вопросов, но завела неспешную беседу с Полем на английском. Под хмурый взгляд директора и любопытный — начальницы, мы говорили о сущих пустяках — французской моде, нашей погоде и, оставленном в Лионе любимце господина Лё Корбюзье, спаниеле по кличке Жуль. Вскоре принесли вино и салаты. Первое — чуть пригубила, салат оказался довольно вкусным, но я

не торопилась на него набрасываться, старалась блюсти этикет.

— Почему не пьете? — вновь любопытничал шеф. — Вам не понравилось вино?

— Отчего же, понравилось, — ответила я и не удержалась, чтобы не съязвить. — Растягиваю удовольствие, неужели незаметно?

Проигнорировав его взгляд, я вновь обратилась к Полю. Спросила, какую музыку он предпочитает и как относится к русской классике. Мы сошлись с ним на том, что Петр Ильич Чайковский — великий композитор и все его творчество — это великое искусство. После второго бокала вина, француз стал открытым для общения. Возможно, именно этого и добивался Лероев, приглашая с собой меня. Он хотел заинтересовать господина Лё Корбюзье мною, отвлечь, расположить и затем преступить к деловым переговорам.

— Надя, давай выйдем, мне нужно припудрить носик, — шепнула Анна Сергеевна, поднимаясь из-за стола.

Мужчинам она сказала, что мы ненадолго оставим их, пройдем в дамскую комнату.

После чего Поль оказался в полном распоряжении директора.

— Надежда, ты умница! — похвалила меня Кукушкина едва мы остались с ней наедине. — Это

надо же, как ты нашего Поля на разговор раскрутила и не скажешь, что после института к нам пришла.

— Да, ничего особенного, просто знак вежливого тона, — пожалала я плечами, подкрашивая губы.

— Э-э, не скажи. Мы этого «супчика» полгода пасем с Лероевым. Я думала, он от нас скоро прятаться начнет, а при встрече будет обходить за версту. Но ты показала сегодня — класс! И про собачку его вовремя поинтересовалась и про его музыкальные пристрастия... я прямо не ожидала от тебя, — Анна Сергеевна подмигнула мне и чуть встряхнула за плечи, — Ну теперь он нам все подпишет! И договор и денежки теперь у нас будут. Кстати, надо не забыть Всеволоду про тебя напомнить, можно премию выписать.

— Не надо, — пыталась я возразить, помня о том, что у меня уже имеется денежное вознаграждение, но у начальницы на этот счет было другое мнение.

— Что, значит, не надо? — Кукушкина округлила глаза, — Скромность, Надежда, конечно — украшает, но и кушать на что-то хочется. Так что давай без лишних возражений — завтра протопашь в бухгалтерию и получишь денежку. А теперь пойдем, пора к нашим месье возвращаться.

Я посмотрелась в зеркало, поправила

прическу и подумала о том, что зря боялась. Ужин носил чисто деловой характер и, по всей видимости, никаких неприятностей на этот вечер не предвиделось, что не могло не радовать. Устала я — ужасно. И очень хотела поскорее завершить свой трудовой день.

— Надь, — вернулась за мной Кукушкина, — Маринка звонит, хочет с тобой поговорить. Бери трубку, только по-быстрому. Там горячее принесли.

Я удивилась и взяла её мобильник:

— Да. Слушаю.

— Надюха, привет! Это хорошо, что слушаешь, — усмехнулась Марина, — Не пьяная еще?

— А что, должна?

— Да, ладно тебе! Не обижайся, я по делу. Ты у меня на тумбочке, в прихожей, свои ключи и телефон оставила. Как отгуляете там, заезжай. Я весь вечер сегодня дома буду. Адрес помнишь?

— Помню, — проговорила я, роясь в сумочке. Точно — всё выложила у Маринки, когда расческу искала утром. Как еще документы у нее не оставила?! Вот «умница». — Спасибо, Марин. Я заеду.

— Хорошо. Жду.

Я вернулась к столику. Поль был далеко нетрезв, но еще не достаточно пьян. Поэтому хоть и смотрел посоловевшим взглядом вокруг, речь его

пока оставалась связной. Насколько можно было понять: он хотел бы вернуться в гостиницу и настаивал, чтобы в качестве провожатого с ним поехала я. Да, похоже, веселье только начиналось. Лероев уговорил гостя немного подождать, дескать Надежда Викторовна еще не отведала десерт. Француз улыбнулся и согласился с его доводами. А я теперь не могла притронуться к еде. В моей больной голове вертелся вопрос: что делать? Но ответ, увы, найти не получалось.

— Надя, расслабься, — шепнула мне Кукушкина, — Что-нибудь придумаем. Он сейчас еще немного выпьет и забудет о тебе. Вот увидишь!

Мы с Лероевым переглянулись, он тоже не разделял мнения Анны Сергеевны. Вряд ли Поль мог так легко забыть о понравившейся даме, кто-кто, а французы знали толк в обольщении прекрасного пола. Неожиданно вместо классической фоновой мелодии полилась ритмичная музыка, словно бы само провидение спешило нам на помощь, и невозможно было не заметить, как господин Лё Корбюзье вдруг оживился.

— Анна, сходи, потанцуй с ним, — шеф подмигнул мне, одновременно подбадривая гостя.

Вскоре можно было лицезреть довольно занятную картину. Кукушкина и месье Поль кружили по залу в стиле танго. Шеф подозвал

официанта и заказал двести грамм водки. Я думала, что он для себя, оказалось, для француза.

— Это должно его немного отвлечь, — заверил Лероев, вливая содержимое рюмки в стакан с апельсиновым соком. — Сейчас потанцует и выпьет, даю слово — ничего не заметит. Когда водка подействует, мы ему вызовем такси. Анна Сергеевна проводит господина до номера и уложит спать. Думаю, что завтра он вряд ли вспомнит — с кем провел эту ночь, а после — это уже будет неважно.

Произошло все так, как предсказывал Всеволод Константинович. Погрузив Кукушкину и её подопечного в такси, шеф предложил проводить меня до дома.

— Но, вы выпили... — возразила я.

— Один бокал вина и было это часа три назад. Не бойтесь, Надежда. Я никогда не пьянею даже от коньяка, а от сегодняшней смешной дозы — тем более.

Немного помедлив, я согласилась сесть в его авто, но попросила ехать не быстро, ссылаясь на то, что меня может укачать. Назвала Маринин адрес и устроилась на заднем сиденье.

— Почему не впереди?

— Тут удобнее, — ответила, вытягивая ноги под переднее сиденье.

Пока ехали, я прикрыла глаза, и все время

думала о прожитом дне. Столько всего услышала — и о себе, и о сотрудниках. Невероятным казалось то, что зная о репутации шефа, испытывала к нему почти теплые чувства. Во всяком случае, мне-то он не успел ничего плохого сделать и, быть может, не так страшен бес, как сплетни про него. За окном мелькал город. Мое настроение — слегка меланхолическое — позволяло смотреть и почти не видеть окружающее пространство. Я находилась на грани между сном и явью и очень хотелось оставаться в этом состоянии как можно дольше.

— Приехали, — откуда-то издали известил голос шефа.

Пришлось вернуться в реальность.

— Спасибо вам, Всеволод Константинович, — поблагодарила, выбравшись из БМВ.

Немного поежилась. На часах было пять минут девятого — еще детское время, но уже повеяло вечерней прохладой, или же я просто пригрелась в авто.

— Да мне-то за что? — шеф вышел, не спеша подошел ко мне, огляделся по сторонам. Потом он отпихнул носком ботинка небольшой камешек. Тот звонко зашуршал куда-то под машину. — Вы извините меня, Надежда Викторовна. Я сегодня погорячился... позволил себе превысить полномочия, накричал на вас.

Он вздохнул. Повисла тяжелая тишина. Я не

знала, что ответить. Молчала, давала ему возможность высказаться. Иногда это нужно, особенно мужчинам, чтобы их выслушали.

— Не знаю, что на меня нашло. Еще при секретаре, — шеф качнул головой, взлохматил рукой волосы. Теперь он мне казался намного моложе, чем в нашу первую встречу. Наверное, маска директора спала, и передо мной открылся обычный человек со всеми присущими ему слабостями.

— Она очень испугалась, — улыбнулась я, вспоминая Людочкины, расширившиеся от ужаса глаза.

— Поэтому в ресторан со мной поехали вы? — он смотрел недоверчиво так, будто испытывал меня, — Вы не испугались?

— Вам честно ответить? — шеф кивнул, не отводя взгляда. — Когда шла к вам в кабинет — коленки дрожали. Но не пойти не могла. Люда студентка. У нее завтра экзамен, так что... выбор был невелик.

— Спасибо, — сказал сухо, посмотрел куда-то вдаль.

— Пожалуйста, — пожала плечами в ответ.

За что благодарил, я не очень поняла — за честный ответ или за то, что поехала на ужин.

— Надежда, красивое у вас имя. Необычное. — Всеволод Константинович

улыбнулся, впервые за вечер. Как-то по особенному. Искренне. Я заметила смешинки в его прищуренных глазах. Он обвел взглядом двор, — По-моему, я здесь уже бывал. Марина живет, кажется, где-то тут, верно?

— Да, — ответила, вспоминая все самое плохое, что слышала за день о Лероеве. «Значит, и Марина...» — почему-то возникла мысль, от которой стало горько на сердце. — Мне пора. Извините, я очень устала и хочу домой.

— О, да... — взгляд шефа сразу потух, стал прежним, директорским. И я почувствовала себя вдруг обделенной недавним теплом, что пробежало между нами пару секунд назад. Теперь оно исчезло, не хотелось бы, чтобы навсегда. Но миг был упущен. — Не смею задерживать. Еще раз спасибо и до завтра.

— До завтра, — ответила эхом, глядя вслед уносившемуся авто.

Он сорвался с места так, точно боялся не успеть в свою, полную для меня загадок жизнь. Я поправила сумочку на плече и зашагала к подъезду, поднялась на пятый этаж по ступенькам и позвонила в знакомую дверь.

Марина открыла сразу. Смерила меня пронизывающим насквозь взглядом, втянула в коридор и захлопнула дверь.

— Привет, Маша-растеряша! Проходи. Вот

твои вещи, — она кивнула на тумбочку и скрылась где-то в комнате, оттуда донесся звук работающего телевизора. — Чай будешь пить?

— Нет, Марина, спасибо, — ответила я, засовывая в сумку ключи и свой мобильник. Пакет с моими вещами взяла в свободную руку и собралась попрощаться с гостеприимной хозяйкой.

— Что-то ты мне не нравишься, подруга, — Марина вышла из комнаты, — Случилось что-то?

— Нет, просто устала, — отмахнулась я. — Извини, я пойду.

— Подожди, — Марина подхватила ключи, и накинула на плечи легкую ветровку. Она была в спортивных штанах и топике. Обулась в кроссовки. — Вот теперь идем. Я посажу тебя на автобус.

Пока спускались по ступенькам (я ненавидела лифты, Марина тоже не испытывала к ним трепетной любви) и шли к остановке, как-то слово за слово — рассказала подруге почти все, что было в моем насыщенном дне.

Марина слушала меня с легкой улыбкой на губах:

— Надька, какая же ты еще девчонка! Наивная, доверчивая. Я прямо обалдеваю с тебя! Таким как ты должно очень везти по жизни.

— Марин, а он, правда, такой?

— Всеволод-то? — Марина хитро

прищурилась, — Ты, действительно, хочешь знать?

— Да.

— А зачем? Вот увидели бы тебя вчера наши кумушки, ты, наверно, прослыла бы алкашкой на весь офис.

— Марин, я серьезно! — было обидно за то, что она не воспринимает меня всерьез, подшучивает, как над маленькой.

— И я серьезно. Разве можно верить всякой чепухе? — подруга обняла меня за плечи. — Лероев мужик, конечно, не подарочек, как начальник, иногда — зверь, но импозантен, интересен, не стар, а почему-то холост. Вот и есть повод посплетничать нашим кумушкам.

— А как же Катя?

— А что Катя? Она детдомовка, Лероев её в люди вывел. Мать её, алкоголичку и психически нездоровую тетку, который год за свой счёт лечит, брата — того еще обалдуя — из тюрьмы вытащил, — Марина задумалась на миг, будто что-то вспоминала, — Всеволод не любит об этом говорить. Но однажды сам признался, мы тогда в Ялте с ним курортные зоны просматривали, и что-то зашел разговор о детях, детдомах. Так вот, Катька — дочь его старинного друга, тот погиб лет пять назад, подробностей не знаю. И Лероев взял заботу о девчонке на себя. Чтобы сплетен вокруг неё не ходило, у нас же в благотворительность не

верят, женился на ней фиктивно, через полгода развелся, отписав ей трехкомнатную квартиру — поделил, так сказать, имущество. А Галина у нас старой закваски тетка. Для неё женился, значит, муж. Они с Катериной в одном подъезде живут.

— Катя говорит, что любит его...

— Ну, может, и любит, как близкого человека. А так — вряд ли. Я точно знаю, у неё парень сейчас в армии служит. Месяца через четыре вернется, Катюха о свадьбе мечтает. Мне фотками хвасталась — классный парнишка, был бы постарше чуток, — Марина притворно вздохнула, — Я бы на него сама запала. О, вот и твой автобус. Я же говорила, таким как ты — везет по жизни!

— Это каким? — спросила я, оборачиваясь к подруге на ступеньках автобуса.

— Рыжим! — крикнула она, махая мне рукой.

Автобус тронулся с места, а я еще долго думала об её словах про Лероева, Катю и такую непонятную, странную жизнь.

Глава 5

Домой я приехала уставшая и опустошенная. Минувший день выдался настолько напряженным, что хотелось поскорее добраться до подушки. Думалось, что лишь только окажусь в постели — сразу же усну.

Я сбросила в прихожей туфли, затем прошлепала на кухню — поставила чайник. Пока он закипал, взяла из шкафа халат и пижаму, направилась в ванную. Умылась и залезла под душ. Правда, расслабиться и понежиться под струями теплой воды — не вышло. Неожиданно на меня ливанул леденящий поток, и пришлось быстро закручивать краны. Я совсем забыла про объявление, что два дня назад висело на двери подъезда. Горячую воду у нас отключали каждое лето сроком примерно на месяц.

«Эх, снова придется греть воду ведрами, как в деревне», — горестно вздохнула и наскоро вытерлась, надела пижаму, халат, затем протопала на кухню. Открыла холодильник и впала в глубокую задумчивость. Из съестного у меня имелось: батон хлеба, пачка масла, пара сосисок, столько же яиц и пакет молока — негусто. Учитывая, что в ресторане я почти ничего не съела, кушать хотелось и очень. Достала масло и сосиски, немного подумав, добавила к ним яйца. Через пару минут у меня получилось нечто вроде яичницы с колбасой, только слегка подгорелой, потому что я отвлеклась на соседку.

— Надя, — прошамкала беззубым ртом тётя Вера из квартиры напротив, когда я распахнула перед ней дверь. Одинокая, довольно милая старушка, но трезвонит порой так, будто

опаздывает на пожар. — К тебе давеча приходили. Какой-то мужик, а потом Нинка — спрашивала: где ты и когда придешь? А я-то почему знаю? Я тебя и не видела. Так вот, Нинка завтра с утра ещё к тебе придет. Сказала — нужна ты очень. Она и звонила тебе, ты не отвечала...

— Спасибо, тетя Вера. У меня сковородка на плите стоит. Вы извините, я к вам попозже загляну, вы мне все и расскажете.

— Так это и есть всё, Наденька. Ты беги, конечно, а то сгорит у тебя, сковородка-то...

Я захлопнула дверь и опрометью кинулась на кухню. К счастью, у меня осталось еще то, что можно было съесть. Сгорела яичница лишь по краю, наполнив неприятным запахом всю кухню.

— Интересно, что хозяйке нужно было? — пробубнила я вслух, открывая окно, чтобы проветрить.

Беда оказалась в том, что либо моя логика капризничала и не желала помогать, либо этот визит в неё не вписывался. Срок оплаты ещё не прошёл, деньги за квартиру — отдала две недели назад, значит, еще две недели можно было ни о чем не беспокоиться. «Нинка», как звали её все соседки престарелого возраста, редко приезжала ко мне, обычно я сама возила ежемесячный конверт к ней на работу в Гастроном, что на Центральной улице. Внеплановое появление Нины Сергеевны меня

сильно встревожило.

Хозяйка моей временной жилплощади являлась неприятной особой лет сорока, которая усиленно скрывала свой возраст. Она выбирала для себя топики и джинсы молодежных модных брендов и совершенно не понимала того, что выглядит из-за этого старше своих лет. Ни морщины, ни дряблую кожу, ни складки на шее, а тем более целлюлит с варикозом — укрыть эти вещи, рассчитанные на юный возраст — не могли. И, кроме непривлекательных внешних данных, у нее имелся такого же качества характер — злобный, нервный, временами — истеричный. Правда, несмотря на это, мы как-то ладили с ней и обходились без скандалов почти два года.

«Она мне звонила. Интересно, зачем?» — любопытство вкупе с беспокойством не давали сидеть на месте.

Я вновь вышла в прихожую: порылась в сумочке, достала мобильник, который, конечно же — «умер смертью храбрых» — продержался без заряда сколько смог. Нужно было срочно его «покормить», то есть подсоединить к зарядному. Когда устроила телефон — вернулась на кухню, чтобы тоже, наконец, подкрепиться.

Остывшая яичница, еще то — блюдо! Скривившись, прожевала невкусный кусок, прихлебнула горячим сладким чаем и впихнула в

себя еще одну вилку — с отвратительным запахом горелой сосиски. На вкус она была чуть приятнее яйца. Да, кулинар из меня получился аховый. К тому же мысли не давали покоя. Я вдруг вспомнила об авансе, который мне вручил Лероев. И поспешила выяснить: сколько «бумажек» осталось в белом конверте?

Когда вынула содержимое и пересчитала, в сердце закралась подозрительность: за что мне заплатили столько денег? Если ЭТО аванс, то какой будет сумма моей зарплаты? В трудовом договоре, когда его подписывала, значилось — 400 долларов. Но в руках сейчас сжимала почти в два раза больше, правда, в рублевом эквиваленте.

Да, имея такие деньги, я действительно могу «кушать» — как выразился Поль — всё, что угодно и без диет!

Облизнувшись, подхватила записную книжку и выудила из нее визитку пиццерии, чтобы заказать себе сытный и вкусный ужин. К счастью, привезли его быстро, минут через десять. Расплатившись с расторопным юношей, я, довольная, приступила к поеданию самой вкусной в моей жизни пиццы. Или же мне это показалось после недавней яичницы? Впрочем, я не особо задумывалась на этот счет, чуть не мурлыкая от счастья. Утолив голод, остатки ужина спрятала в холодильник и прикрыла окно, оставила распахнутой лишь форточку. На седьмой

этаж вряд ли кто-то попробовал бы залезть — внизу имелись квартиры и богаче, поэтому воров как-то не опасалась и на ночь окно не запирала. Да и что у меня брать кроме хозяйской скудной мебели?

Потянувшись, я прихватила с собой чайник, в нем еще осталось немного горячей воды, рассудила, что — почистить зубы и умыться — хватит.

Когда закончила вечерние процедуры и, отчаянно борясь с зевотой, вернулась на кухню, то поставила носатого друга по имени «Гефаль» на место, зашторила окно да отправилась спать, совершенно позабыв про Нину Сергеевну.

Несмотря на усталость, уснуть никак не получалось: все время в голову лезли бестолковые мысли то о шефе, то о Кате, о Марине и даже о Поле. За окном перестали галдеть дети, угомонились и подростки, стало почти тихо. Изредка слышались чьи-то шаги, кто-то ещё не спал. Постепенно мои мысли уняли свой бег. Я решила, что не пойду больше на поводу сплетен и глупых, непонятных мне интриг. Буду думать своей головой и складывать мнение о людях не по их прошлому, а по тому, как они живут сейчас — по делам и спрос!

Успокоившись, повернулась на бок, лицом к стене. Так отчего-то быстрее приходил сон. Диван подо мной заскрипел старыми пружинами и затих. Я прислушалась к тишине. Хотя почти привыкла

жить одна, до сих пор не могла смириться с тем, что в моей комнате никто не сопит. Раньше, когда была маленькой и просыпалась ночью от детских кошмаров, всегда легко успокаивалась от мерного посапывания мамы или от похрапывания папы. И никогда меня не посещали мысли о том, чтобы уйти от них жить подальше. Даже в другой комнате я не желала бы спать, потому что было уютно и тепло с родителями. До тех пор, пока не стала взрослеть.

Как легко можно перевернуть привычный мир с ног на голову, а вот наоборот сделать практически уже невозможно. Обиды, накопленные по мелочам, становятся слишком тяжелой ношей. Рано или поздно они дают о себе знать, разрывают близкие отношения, делают родных людей врагами. Почему? Кто знает.

Я уткнулась в подушку и через некоторое время заснула. Пробудилась от стука в дверь. Глянула на часы: половина шестого. Рань-то еще какая!

Выбравшись из теплой постели, пробежала до двери, выглянула в глазок. На площадке топтался какой-то взъерошенный мужик.

— Кто там? — спросила, продирая глаза да пытаясь завязать пояс на халате.

— Соседи снизу, вы нас заливаете... — услышала за дверью и, видимо еще не проснувшись, поспешила открыть на

требовательный голос соседа, — У нас вода течет по стене. Вы нас заливаете второй день, закройте воду и скорее!

Грузный мужчина оттолкнул меня и протопал в мою ванную.

— Я не могу вас заливать, — пыталась обойти его с боку, — Я спала... у меня не течет вода.

— Действительно, не течет... — мужик почесал в затылке, присел, заглянул под ванну, потрогал ладонью пол, прошел в туалет, заглянул за унитаза, проверил слив, — Странно. А кто тогда нас заливает?

Его заспанные глаза уставились на меня, словно я главный враг всей его жизни.

— Я не знаю, кто вас заливает, а сейчас уйдите, пожалуйста, — попыталась выпроводить незваного гостя.

Он кивнул и пошел за мной, но у двери остановился и потряс головой:

— Нет. Это точно вы. Вы вечером мылись, зубы там чистили, все такое, а к утру — вода-то по стояку к нам и пришла. Точно! — сосед развернулся и еще раз прошмыгнул в ванную. Я наткнулась на его согнутое пополам тело без головы. Голова торчала под ванной и восторженно оттуда вещала, — Да, вот тут постучать, убрать плитку, а там видно будет трубы, наверно, в стояке их прорвало где-то, к нам и затекает...

— Нет. Этого не может быть, — сказала я как можно громче, — Вы ошибаетесь, это не у меня прорвало.

— А у кого тогда? Нет, девушка, у вас, — ощерился мужик, выныривая из-под ванны. — Больше не у кого. Вы замужем?

— А это-то тут причем? — ответила вопросом на вопрос, не вполне понимая, к чему это он клонит.

— О... значит, нет. Плохо, — сосед вздохнул, почесал волосатую грудь и присел на край ванны. — С мужиком-то всегда легче договориться, чем с бабой. Плитку ломать надо. Могу я, чтоб слесаря не звать, но не бесплатно...

— Так. Подождите, — мне очень не нравился поворот событий. — Ломать я вам ничего не дам. Тем более, что у меня вода не протекает. А ваши домыслы оставьте при себе.

— Дык, мы же под вами живем и вода... — начал он было свою песню заново, но я решительно его перебила.

— Вас затапливают второй день?

— Да, — напрягся сосед.

— С утра?

— Ага, часов с шести. Сегодня вот раньше...

— Я приехала только вчера вечером, меня больше суток не было дома. Никто не мылся позавчера, понимаете? — он посмотрел на меня, как

на пустое место. Наверное, ему сложно было принять другую версию событий. Мне пришлось повторить, чтобы достучаться до него, — Я не могла вас заливать. Меня не было дома. Воду я, когда ухожу, перекрываю. Всегда. Во избежание, так сказать, неприятных моментов. Слышите? А теперь — уходите.

Сосед нехотя поднялся, похоже до него дошел, наконец, смысл сказанного. Он извинился и вышел, захлопнув дверь. Я закрылась за ним и прошла в ванную, ополоснула лицо ледяной водой. Весело же началось моё утро, нечего сказать. Во всяком случае, стало ясно, что за мужик (по словам тети Веры) приходил ко мне вчера.

Конечно, сон мой улетучился, я даже не пыталась снова забраться в постель. Потому что надежды на то, что меня оставят в покое и дадут поспать еще хотя бы с часок, не было. Послышались торопливые шаги наверху, чьи-то встревоженные голоса — неугомонный сосед решил-таки выяснить, кто его заливает и пошел по квартирам мирно спящих, ничего не подозревающих жильцов. Минут через двадцать раздался очень знакомый стук в дверь.

— Иду! — обреченно крикнула я из кухни.

Решила выпить кофе, но даже не успела сахар в чашку положить. Спрашивать уже не стала, понятно было и так, кто мог ломиться ко мне с

такой настойчивостью в это утро. Сосед, радостно улыбаясь, сообщил:

— Девушка, это не вы меня заливаете. Я нашел, кто.

— Очень рада за вас, — ответила я, догадываясь, что теперь жертвой этого «маньяка» стали соседи наверху. Нахмурившись, ждала, что тот еще выдаст, поскольку предполагала — так просто он от меня не отстанет.

— Это ваши верхние соседи, — подтвердил сосед мою догадку, — у них там труба так проходит, что к вам не попадает вода, а к нам, как раз...

— Ну, а я-то тут причем? — спросила, теряя терпение.

— Дык... это... — он потоптался, а потом выдал фразу, приведшую меня в легкий ступор, — У вас, девушка, ломать стену надо. Иначе не добраться до труб.

— А... почему не у них?

— Так я же вам говорю, труба там хитро идет, у них не видно, она ниже через вас, к нам и там еще ниже, — сосед почесал затылок, — Я в общем, чего пришел: сказать, что иду за инструментом, а потом к вам — ломать будем.

Пока подбирала слова, чтобы ответить на такую наглость, «маньяк» сбежал по лестнице вниз. Понимая, что у меня мало времени, я захлопнула

дверь и поскакала переодеваться. Придется потерпеть без кофе, жизнь — важнее. Представить страшно, что мне устроит Нина Сергеевна, если позволю в её квартире сломать хоть что-нибудь.

Оделась в джинсы и легкий топик (прогноз погоды обещал теплый день), но на всякий случай накинула на плечи жакет, подхватила сумку, засунула в нее телефон. Обулась в кроссовки, заглянула на кухню — проверила электроприборы, привычно перекрыла воду, да выскочила за дверь. Повернула ключ на два оборота и, чтобы не столкнуться с соседом, вышла на улицу через пожарную лестницу. Пусть теперь ломится в дверь. Без меня он вряд ли доберется до ванной, а на вечер я приглашу Нину Сергеевну в гости, познакомлю с надоедливим соседом. Уж она-то с ним точно найдет общий язык.

Заняться мне особо было нечем, и я присела в небольшом скверике, недалеко от автобусной остановки, на лавочку. Дворник мёл одинокие аллеи, поднимая примятую росой пыль; воробьи радостно порхали с ветки на ветку; вороны ссорились недалеко от урны — не могли поделить чёрствый кусок хлеба. Какой-то тощий пёс устало смотрел на их возню, подобрав под себя облезлый хвост. Поёжившись, я решила заняться собой. Выскочив из квартиры, забыла даже причесаться, а не то, что подкраситься. Достала из сумочки

косметичку, подвела глаза, накрасила губы, причесала непослушные волосы и собрала их в хвост на затылке.

Моя шевелюра — густая, средней длины, кроме того, что имела довольно неприглядный соломенный цвет, еще и завивалась кольцами. В детстве, я часто проливала слёзы, прочесывая волосы. Чтобы придать им хоть какой-то ухоженный вид, приходилось промачивать расчёску водой и потом, лишь после мокрой укладки, заплетать тугую косу.

Еще раз посмотрелась в зеркальце — вроде бы нормально. Удостоверившись, что выгляжу не хуже, чем вчера, спрятала косметичку и, вздохнув, отправилась к автобусу. Он как раз выезжал из-за поворота. Возле офиса я оказалась слишком рано и решила немного побродить вокруг. Спустилась в переход метро, погуляла немного между киосками, делая вид, что хочу приобрести небольшой сувенир, немного поболтала со словоохотливой продавщицей.

Без пяти восемь я вновь поднялась на поверхность земли и напрямик отправилась в открывшееся кафе. Удивленный столь раннему визиту официант, тем не менее, отнесся ко мне доброжелательно, и довольно быстро выполнил мой заказ — кофе и горячие блинчики на завтрак. Давно я не была так голодна!

После завтрака еще немного погуляла, и, взглянув на часы, подумала, что самое время идти в офис. Без четверти девять вышла из лифта и очень удивилась тому, как встретил меня Орлов.

— О, вот она и ты!

— Доброе утро! А что не так? Вроде я не опоздала, — пожала плечами, собираясь пройти мимо него.

— Да нет, не опоздала. погоди! — охранник поймал меня за локоть, — Идём. Цветы вот забери, тебе с самого утра их привезли.

И тут к моему ужасу, он выволок из-за своего стола огромную корзину алых роз.

— Вау! — слышался возглас за спиной, — Кому это такую красотень доставили?

Наташа склонилась над цветами, вдыхая нежный аромат.

— Наде, с утра, — подмигнул ей Орлов, — Видала, каких ухажеров надо заводить! Богатых и щедрых!

— А от кого это? — не отставала Наташа, она порылась в букете и достала оттуда записку, с одним коротким словом — Поль. — Надька, на тебя всерьез запал наш француз, а я-то думала, куда ты вчера пропала, в ресторане была, да?

— Да, — ответил за меня Вадим Михайлович, который, как обычно, был в курсе всех событий. — Была. Надь, ты чего молчишь-то?! Как воды в рот

набрала!

— Ненавижу розы, — сказала я, отступая на шаг назад, — Я их не возьму.

— Надюха, да ты что?! — брови Наташи поползли на лоб, — Серьезно? Розы не любишь?!

— У меня... на них... аллергия, — ответила и тут же подумала о том, что отказываться от такого подарка невежливо. — Хочешь, Наташ, возьми себе. Вадим Михайлович, только мне не надо, вы их кому-нибудь отдайте или подарите.

— Ладно, ладно, — махнул рукой Орлов, — Не знал, что на такие букеты у женщин аллергии бывают.

Я поспешила уйти на свое рабочее место, но меня окликнули. Не оборачиваясь, узнала голос. Он мог принадлежать только Лероеву.

— Надежда Викторовна, подождите минуточку, — Всеволод Константинович в два шага оказался около меня и вынул откуда-то из-за спины букет чуть поменьше того, что подарил мне Поль, — Надеюсь, на лилии у вас нет аллергии?

— Нет, если они без шипов, — ошеломленно проговорила, рассматривая белоснежные цветы в руках шефа.

— Да, без шипов, — улыбнулся он, протягивая мне лилии. — Это вам, за отличную работу. Контракт подписали сегодня утром.

Директор ушел быстрой летящей походкой в

свой кабинет. Орлов и Наташка смотрели ему вслед с непередаваемыми эмоциями на лице.

Я все ещё стояла, хлопая как кукла глазами, и сжимала в руках невероятно красивые цветы, когда открылась дверь и в офис вошли, о чем-то непринужденно беседуя — Марина, Катя и Ира. Девушки замолчали и, переводя взгляд с Орлова на меня и обратно, почти в один голос произнесли:

— Ничего себе! У нас, наверное, цветочный магазин открылся? Это кому?

— Надюхе! — откликнулась Наташа, забирая корзину у Орлова, — И мне. Вот, завидуйте теперь!

Я встретилась взглядом с Мариной. Странно, мы знали друг друга совсем недавно, но понимали — почти с полу взгляда. Она подошла ко мне.

— Девочки, пора по местам. Рабочий день уже начался! — крикнула расшумевшимся подругам и шепнула мне на ухо, — От Лероева?

Я кивнула.

— Молодец наш Всеволод. Умеет цветы подбирать, — Марина принюхалась к чуть сладковатому аромату. — Тебе очень идут лилии. Идем, поставим их в воду.

Глава 6

Я сидела на пригретом солнцем валуне и глядела на реку, неспешно протекающую почти у моих ног. Не знаю, почему люди могут смотреть на воду часами. Впрочем, быть может, она дает им успокоение? Или очищает душу от тревожных мыслей?

Кажется, могу смотреть сутками: как ветер гонит легкие барашки-облака, как он перебирает, будто волосы в руках, речную гладь — то нежно взъерошит, то ласково пригладит; как камешки замирают на песчаном дне, ощущая на себе ласковое прикосновение солнца, проскальзывающего сквозь прозрачную воду и едва задевающего их гладкие бока; как небо отражается в реке и ловит на себе мою улыбку.

Да, я улыбаюсь. Оттого, что мне хорошо и спокойно. Знать бы еще — почему?

Бывают странные дни, бывают непонятные события, а бывают сумасшедшие, непредвиденные ситуации, от которых не можешь отказаться или не хочешь. И неважно, что ждет после, главное сфокусировано на том, что происходит сейчас.

Странное чувство охватывало меня: с одной стороны я понимала, что есть много не разрешенных проблем, опять же этот сосед и Нина Сергеевна не выходили из головы. С другой

стороны — совершенно не хотелось об этом думать, точно бы само должно все пройти, почти как по Соломону: «И это суета. И это пройдет...»

За целый день созвониться с хозяйкой так и не сумела. Правда, на один мой звонок она не ответила, а потом я закрутилась в заботах рабочего, не совсем обычного дня.

Причём, необычным он стал в большей степени ближе к вечеру, если, конечно, не брать в расчет утренние подарки. Мои «дамы» с завистью смотрели на цветы, стоящие на подоконнике, в вазе, напротив моего рабочего стола, но помалкивали. Катя, время от времени, подходила к букету, вдыхала аромат и чему-то улыбалась.

— Да, попала ты в капкан, — хихикнула она, когда мы собирались на обед. — Муры, амуры и тому подобное...

— Вовсе нет, — ответила я. — Красивый букет, не спорю, а в остальном — ошибаешься.

— Ну-ну, — хмыкнула девушка, проскальзывая вперед меня в лифт, — Всё с этого и начинается.

— Конечно, — кивнула, будто соглашаясь с ней, когда закрылись двери лифта. И начала наступление, — Вот только зачем было мне вчера про Лероева лапшу на уши вешать? А? Или ты думала, что я полная дура, поверю в любую чушь?

— А-а... Маринка рассказала? — Катя даже

не подумала извиниться, — Не такая уж это и лапша — мужик он красивый, зато всякие легковверные крали тут подолгу не задерживаются и на шею к нему не виснут.

— Защищаешь, значит?

— Угу... Ты знаешь, кто он для меня? — она так посмотрела, что холодок пробежал по спине, — Он мне больше чем отец, понятно?! Он меня из такой ямы вытащил! Тебе и не снилось...

— Да, ладно, Катя, — мне вдруг стало немного не по себе. Она в действительности не так уж и виновата передо мной. Самой не нужно было уши в бельевую веревку вытягивать. — Может, ты и права. Мир?

Я протянула ей руку, она коротко пожала её в ответ. Но не села со мной за один столик, так как предпочла компанию Галины Петровны. Впрочем, обижаться на Катю не было больше никаких причин.

Ко мне подсели Наташа с Ириной, мы поболтали с ними немного о вчерашнем вечере и о планах на выходные. Девушки предлагали поехать с ними на дачу. Я мягко отказалась, аргументируя это тем, что мне нужно починить трубы в ванной.

С Мариной мы почти не обмолвились за день и парой слов. На обеде не виделись. Она куда-то уезжала по поручению шефа. Он тоже пробыл в офисе не больше полчаса, а потом уехал на целый

день по неотложным делам.

— Пять минут и можно по домам! — известила об окончании рабочего дня Тамара Васильевна и первая выключила компьютер. — Всё, девочки, до понедельника!

Первой же она и выпорхнула за дверь кабинета, но задержалась и немного пококетничала с Орловым, слышался из коридора её легкий смех.

— До понедельника, — попрощалась со мной Галина Петровна, — Катя, ты идешь?

— Ага, тетя Галь, сейчас догоню! — откликнулась Катерина, выключая свою «рабочую» лошадку. — Надь, ты не сердись на меня. Я тут подумала: если у вас со Всеволодом что-то получится, я не буду против. Он мужик хороший, ты ему подходишь.

— Э-э... спасибо, конечно, — растерянно пробормотала я, — Но с чего ты взяла, что у нас с ним...

— Да, ладно тебе скромничать! — не то обиделась, не то возмутилась Катя, — Не каждой же он цветы дарит. Да ещё такие!

Катя ушла, а я поднялась из-за стола, подошла к окну. Впервые за день сама притронулась к белоснежным бутонам.

— О! Хорошо, что я тебя застала! — обрадовано воскликнула Марина за моей

спиной, — Собирайся!

— Куда это? — обернулась к подруге, испуганно икнув.

— Поехали на рыбалку, — в Марининых глазах прыгали чертенята и не меньше дюжины. — Ну, чего стоишь, как неживая? Выключай комп, и вперед. Одета ты — как надо. Удочки я в секретарской забрала...

— Я не могу, Марина. Не п-поеду, — к икоте добавилось и заикание, — У м-меня т-трубы т-текут...

— Надюш, ты чего так перепугалась-то? — Марина подскочила ко мне, потрогала зачем-то мой лоб, — Успокойся. Это я тебя напугала? Вот я балда! Посиди тут, я сейчас.

Она вернулась со стаканом воды в одной руке и с пузырьком валерьянки в другой.

— Ты, вот выпей и послушай. Мне помощь нужна. Всеволод перед фактом поставил, как всегда в последний момент. Он нашего новоиспеченного партнера на рыбалку вывезти собрался, и меня с собой зовет для того, чтобы как-то уютную атмосферу создать. Я там салаттики разные приготавливаю, продуктов набрала в магазине. Но, Надь, я — одна, а мужиков — двое! Я ведь умру со скуки. У них разговор весь про бизнес и улов. Поехали, а? — честные синие глаза подруги выжидательно уставились на меня, при этом

Марина продолжала уговоры, — Там место красивое. Покупаемся. Шашлык будет. Антошка нас вечером домой отвезет, а они пусть до утра в палатке храпят. Завтра господин Лё Корбюзье улетит в свою Францию. Ну, поехали? Надюш?!

В общем, справившись с приступом икоты, я позволила себя уговорить. И теперь наслаждалась праздником, устроенным для собственной души.

Поль то и дело радостно вскрикивал, демонстрируя улов. Ему везло: за какой-то час он поймал около пяти карасей, двух пескарей и одну небольшую щучку. С которой попросил сфотографировать его на фоне рыбной реки. К слову сказать, река у нас самая обыкновенная, но тут, по словам Марины, рыбка была прикормленной.

Место это любил и Лероев, и его друзья — часто приезжали отдохнуть именно сюда. Укрытая от посторонних глаз, чистая заводь с золотым песчаным берегом — являлась чем-то вроде небольшого курорта для местных олигархов.

Всеволоду Константиновичу везло значительно меньше — пара пескарей да один средней величины окунёк — вот и весь улов. Но шеф не унывал и, в конце концов, смотал свою удочку, да принялся за мангал. Скоро пошел сизый дымок, а потом ни с чем несравнимый запах — жареного мяса. Мы с Мариной пока остались не у

дел и просто наслаждались отдыхом. Я сидела на камне, а она — рядом с Полем о чем-то болтала по французски.

— Пойдем, искупаемся? — то ли предложила, то ли спросила подруга, легко освобождаясь от своих шлепанцев, засучила светлые брюки и побежала к воде. Я, не собираясь выезжать на природу, естественно, ничего с собой не взяла для купания.

— Купальника нет.

— У меня тоже. А давай вон за тем валуном, там не видно, можно и без купальника ополоснуться. М-м-м... водичка тёплая, прелесть! — подруга зажмурилась так, будто кошка перед миской сметаны. — Идём?

Оглянувшись на наших мужчин, я поняла, что они сейчас заняты так, что даже если бы мы прямо тут разделись, вряд ли они бы это заметили.

— Идём! — согласилась на новую авантюру, едва поспевая за Маринкой. Подруга несла в руках небольшой пакет, — Что у тебя там?

— Полотенца. Одно — тебе.

Мы спрятались от мужских глаз, и могли теперь вдоволь насладиться тёплой приятной водой реки. Я скинула брюки и жакет, но топик решила не снимать.

— Зря! Вымокнешь, а потом не во что переодеться будет, — сказала Марина. — Снимай,

никто не увидит!

Послушавшись, скинула и его. Забралась в реку — невероятные ощущения — полное единение с природой — красота! Поплескалась немного у берега и выбралась из воды, вытерлась полотенцем да надела топик и, сбросив мокрые плавки, натянула джинсы. Подруга пока не спешила выходить — отплывала и возвращалась, и снова делала далёкий заплыв — она прекрасно себя чувствовала в воде, словно русалка. Я же умела плавать чуть лучше топора, поэтому, никогда не отходила от берега дальше двух — трех метров.

Промокнув волосы, достала Маринино сухое полотенце, а свое, вместе с отжатым нижнем бельем убрала в пакет. Хотела позвать подругу, но увидела, как она отчаянно барахтается и пытается что-то мне прокричать. Я не расслышала слов: или было слишком далеко, или ветер относил их в сторону. Поняла только, что Марина в беде и понеслась к Лероеву.

— Всеволод Константинович!! — заорала во весь голос, не добегая до мужчин, — Э-эй!!

Шеф обернулся и, видимо, всё понял по моему лицу, да со всех ног кинулся ко мне:

— Где она?

— Там, за валуном, — ответила, задыхаясь от бега.

Лероев стремительно скрылся в указанном

мною направлении. Поль встревожено посмотрел на меня и, бросив удочку, тоже поспешил в сторону нашего уединения с Мариной.

Всеволод Константинович, не теряя времени, вошел в реку в чём был и, сделав несколько шагов, поплыл. Быстро, размашисто. Я следила за ним и за подругой: только бы она смогла продержаться ещё немного. Еще чуть-чуть!

Мне казалось, что минуты складываются в часы: Лероеву не хватало быстроты, у Марины заканчивались силы, я видела, что она едва удерживается, отчаянно цепляется за жизнь и вдруг уходит под воду.

— НЕТ! NON!! — выкрикнули мы с Полем одновременно.

Я совсем забыла про француза, а он метался по берегу, не решаясь вмешаться. Наверное, понимал, что только навредит или не умел плавать — да это сейчас было неважно. Важно было спасти Марину.

Она, словно услышала нас, вновь показалась над водой. Лероев был уже близко: ещё один взмах руки, и ещё, и вот он подхватывает мою подругу. Они плывут к берегу.

Поль потряс меня за плечо, я с трудом оторвала взгляд от реки и услышала его чуть сиплый от волнения голос, но не поняла ни единого слова.

— Памошць...памошць... — вдруг говорит он на корявом русском и до меня доходит: сейчас они выйдут на берег, нужна помощь.

— Да-да, Поль. Надо аптечку, помощь, медпомощь! — рвусь с места, бегу к машине — закрыта.

Хватаю пиджак Всеволода Константиновича, тот лежит недалеко от мангала, в тени дерева, на складном стуле. Роюсь в карманах, достаю ключи, открываю багажник, вынимаю аптечку и несусь по берегу обратно — все происходит в считанные мгновения, действую на автомате, как робот. Ничего не чувствую и не вижу, только Марину на руках Лероева. Поль бросается к ним навстречу, помогает Всеволоду Константиновичу выйти с его ношей на берег. Подруга дрожит, как от холода и прижимается к шефу, я слышу её всхлипывания:

— Всё, все, маленькая, — тихий ласковый шепот приводит и меня в чувство, — Успокойся!..

Понимаю, что самое страшное позади. Марина с нами, все будет хорошо. Лероев нежно проводит рукой по её волосам, что-то шепчет на ухо. Поль помогает завернуть подругу в полотенце и снимает с себя вязаный джемпер, накидывает ей на плечи.

— Н-нога... с-суд-дорог-га, — пытается объяснить подруга, кривясь от боли.

— Правая? — спрашивает Всеволод

Константинович, усаживая девушку на песок. Она отрицательно мотает головой. Тогда он начинает растирать ей левую ногу и просит меня полить ему на руку медицинский спирт. Машинально выполняю его просьбу, все ещё оставаясь, как наблюдатель — я видела происходящее, принимала участие, но эмоции мои будто спали. Без них было легче.

Холодные капельки влаги стекали с мокрых волос Всеволода Константиновича, падали на его грудь и мне на ладони. Но он ничего не замечал и никого не видел, кроме своей подопечной. Поль пытался как-то помочь и что-то всунул в руки Лероеву.

Тот согласно кивнул и дал Марине отпить из французской фляжки, как потом узнала — коньяк. Щеки подруги слегка порозовели. Она приходила в себя.

— Легче? — спросил шеф, — убирая руки с её лодыжек, которые заметно покраснели.

— Да, — ответила Марина, — Спасибо.

Я собрала её вещи, раскиданные по берегу. Участие шефа и его бережное отношение к Марине — затрагивали как-то по-доброму, по-семейному. Шло от него светлое тепло, как от старшего брата или отца. Мне бы хотелось тоже получить хоть капельку его заботы, такой же трогательной и чистой, как это только что происходило на моих

глазах.

Марину снова взяли на руки, на этот раз Поль. Он, смеясь и шутя, отнес подругу к забытому шашлыку. Всеволод Константинович глубоко вздохнул и посмотрел на меня:

— Вы сильно испугались?

Не найдя слов, кивнула в ответ.

— Я тоже. Первый раз в жизни, наверное, — он помолчал, затем чуть обнял меня за плечи, подбадривая. — Хорошо, хоть вы не полезли купаться. Двоих бы я не вытащил. Идемте, сейчас самое время чего-нибудь выпить, да покрепче!

Я не стала его разубеждать в том, что не купалась, тем более, меня вытаскивать было бы не нужно. Слишком мелко плаваю.

Подруга довольно быстро отошла от недавних потрясений и уже во всю орудовала ножом, нарезала овощи на салат.

— Всеволод Константинович, а когда наш шашлык поспеет? — игриво поинтересовалась она, когда мы приблизились.

— Он уже готов, во всяком случае, большая его часть, — ответил, улыбаясь, Лероев и приоткрыл кастрюльку с жаренным мясом, — Пока нарежете салаты, я закончу с остальным.

Он отошел к машине и вернулся через несколько минут с бутылкой виски и с рюмками:

— Думаю, что согреться нам сейчас не

помешает?

Никто из нас не стал отказываться от предложения шефа. Разлив по рюмкам напитков, он произнес что-то вроде тоста:

— За жизнь. Во всех её проявлениях.

Мне показалось, что господин Лё Корбюзье все понял без перевода и был солидарен с нами. Мы словно стали все ближе друг к другу. Стерлись какие-то грани, условности. Во всяком случае, мне так показалось. Я не почувствовала вкус напитка, лишь приятное тепло разлилось по всему телу. Прожевав бутерброд, побежала к Марине накрывать наш «выездной стол» — складной и довольно вместительный.

— Брр! Что-то я замерзаю, — пожаловалась подруга.

Переглянувшись, мы решили уйти с ней за кустики, чтобы она могла переодеться в сухое.

Вечерело. От реки принесло прохладу.

Я закрывала Марину полотенцем, пока она снимала белье и надевала свои брюки, футболку, да джемпер Поля.

— Марин, знаешь, я сильно испугалась за тебя. Внутри все дрожит, до сих пор... — призналась подруге, сворачивая полотенце.

— А я не успела испугаться. Как-то все быстро произошло. Ты молодец, сообразила Всеволода позвать. Он плавает, как Ихтиандр или

русал, — Марина поежилась, — Неудобно, как-то перед всеми. Особенно перед Полем.

— Главное, ты с нами, — сказала я, обнимая подругу. — Остальное не важно.

— Эй, девушки-красавицы, куда спрятались? — слышался голос шефа, — Выходите. Ужин готов.

Глава 7

Антон приехал за нами часа через три, когда от нашего застолья почти ничего не осталось. Если не считать несколько кусочков мяса, пару яблок и почти допитого белого вина с французским названием. Поль вновь дошёл до того состояния, когда мир вокруг становится добрым и прекрасным, и теперь всех нас любил, называл самыми лестными словами. Ко мне он все время лез обниматься и целовать руки. Марину захваливал комплиментами. Шеф слегка посмеивался над нами — немного захмелевшими и довольными жизнью во «всех её проявлениях».

Погрузившись с Мариной в микроавтобус, мы еще какое-то время слышали напутственную речь Поля, а потом, я, кажется, немного задремала.

— Куда твою подругу везти? — услышала голос Антона и открыла глаза.

— Марину домой, а меня...

— О, так ты не спишь? — улыбнулся шофер и взглянул на меня в зеркало, — Я слышу: кто-то сопит. Думал ты. Маринка спит, что ли?

— Да, — ответила я, покосившись на подругу.

Марина привалилась к спинке кресла и сладко посапывала. Во сне её лицо разгладилось от всех тревог. Наверное, ей снились приятные сны — в уголках губ пряталась легкая улыбка.

— Первый раз её такую вижу. Обычно она не пьёт или выпивает очень мало. Что сегодня у вас случилось? — Антон не отставал от меня с вопросами.

И я, почему-то чувствуя к нему расположение, все рассказала: и про то, как пошли с Мариной купаться и про то, что она едва не утонула.

— Да... дела... — протянул шофер, почесывая затылок, — Хорошо, что всё хорошо закончилось!

— Я ехать с ней не хотела. Может, не поехала бы, Марина и не стала бы в воду лезть, — вздохнула я.

— Это Елисеева-то? Не стала бы?! Ха! Шутишь? — Антон хмыкнул, — Да она с детства такая отчаянная, все равно полезла бы. А без тебя, вот тут и заковырка могла бы получиться.

— А откуда вы Марину так хорошо знаете?

— В садик вместе с ней ходили, потом в одном классе учились... — Антон покачал головой, — Да... Я ж чуть не женился на Маринке,

а она успела выскочить за другого, пока я в армии служил. Я свою Валюшку потом встретил. Вот так и живем с Марькой — вроде вместе, но порознь.

Когда мы приехали — растормошить подругу у меня не вышло, и Антон подхватил её на руки. Наверное, день такой выпал — все носили Марину сегодня на руках — и понес к знакомому подъезду. Я пошла следом, прихватив с собой и её сумку с вещами.

Порывшись в Мариной сумке, нашла ключи и, повозившись немного с замком, мы вошли в её пустую квартиру. Антон, не разуваясь, уверенным шагом протопал в спальню. Положил бесчувственную подругу на кровать и, посмотрев на часы, вздохнул:

— Я не могу остаться с ней, надо еще моего шефа в аэропорт отвезти, а потом — уже поздно, моя жена волноваться будет... Надя, может, ты у Марьки переночуешь сегодня? Вдруг ей чего надо будет, а то она одна... хорошо?

— Хорошо, — пожала я плечами, — А где же её муж? Я думала он дома и...

— Муж? — брови Антона удивленно приподнялись, и он обернулся, остановился на пороге, — А она тебе не рассказывала разве?

— Нет.

— Эх... как бы не моё это дело. Маришка не очень-то распространяется, да и ты не говори кому

попало, ладно?

— Ладно. А что такое?

— Расстались они. Полгода уже, как. Мы тогда вместе в Крыму отдыхали: я с Валентиной моей, она со своим мужиком. Её Пашка и заметил себе там англичанку одну. Марька сразу-то не придавала значение, а он всерьез в Англию перебраться задумал, а потом, одно за другое, в общем, такие вот дела, невеселые. — Антон еще раз взглянул на часы, — Ну, я пошел? Ты тут побудешь до утра?

— Да, побуду, — заверила я, закрывая за ним дверь.

Пришла моя очередь ухаживать за подругой. От признания Антона было грустно на душе, или так на меня выпитое вино подействовало. Я всхлипнула пару раз и протопала в ванную. Умылась и нашла ведро, тряпку, набрала воды. Антон натоптал, поэтому хотела подтереть за ним пол. Когда убрала в коридоре, то прополоскала и отжала тряпку, вылила воду из ведра, вымыла руки и вернулась к подруге. Постелила постель и передела Марину в ночную рубашку, которую обнаружила у нее под подушкой вместе с фотографией высокого блондина. Тот беззаботно улыбался своему фотографу. Я решила, что это и есть Павел. Значит, Марина все ещё страдает, только делает вид, что в её жизни все хорошо.

Может быть так и надо — улыбаться через боль и смеяться сквозь слезы?

Может быть, так и надо...

Проснулась от пронзительной трели телефонного звонка. Не очень понимая спросонья, что происходит, помотала головой — больно!

— М-м-м, — кажется, простонала вслух и рядом услышала похожий звук. Марина тоже страдала от головной боли.

— Алло... да... кто это? — раздался её сонный голос, который постепенно становился осмысленнее и громче. — Да, я. Севка, ты с дуба рухнул что ли? Какой самолет? У меня выходной... хорошо. Хорошо. Буду.

Марина повесила трубку, и тут я услышала отборный мат, даже проснулась окончательно и ошеломленно уставилась на подругу. Не всякий электрик так завернуть может!

— Ой... бя... как голова-то болит!..

— Мариш, может таблетку принести? — решила посочувствовать я.

Подруга ойкнула и, подпрыгнув, соскочила с кровати на пол, запутавшись в одеяле, она чуть не упала, но смогла-таки удержать равновесие и включила свет. Я зажмурилась.

— А... а ты что тут делаешь? — услышала её удивленный голос.

— Сплю, то есть спала, — пробубнила я,

прищурившись. Будильник на её тумбочке показывал без четверти четыре. — Может, выключишь свет.

— О, извини, — Марина щелкнула выключателем и продолжила допрос, — А почему ты спишь в моей постели?

Пришлось рассказать все, что произошло после её отключки, в том числе и то, что Антон посвятил меня в особенности её личной жизни.

— И, чтобы теплее было, я легла с тобой. Надеюсь, это не преступление? — закончила я свое повествование, зевая.

— Надюш, не обижайся, я просто испугалась, — примирительно сказала Марина, — Привыкла, что одна... Кофе будешь?

— Я еще поспать думала, — ответила подруге, заворачиваясь в одеяло.

— Не выйдет, — отозвалась Марина из кухни, — Это Лероев звонил, просит в аэропорт с ним поехать.

— Надо же, как ты с ним ласково поговорила, — усмехнулась я, представляя лицо шефа, когда его назвали упавшим с дерева Севкой.

— Нормально поговорила, — откликнулась Марина, — Но ты так не вздумай, так только мне можно!

Она появилась в комнате с двумя чашечками невероятно ароматного кофе:

— Ты еще не встала, лежебока?! Надо Поля достойно проводить. Цветы там купить ему, конфет дорогих, сувенир какой-нибудь. Всеволод не успеает, меня попросил. Да, и сказал, что было бы неплохо, если ты тоже приедешь. Так что поднимайся, засоня! Будем, приводить себя в человеческий вид, а то перед французом неудобно.

Довод про француза оказался для меня убедительнее всех остальных.

Через полчаса мы с подругой ехали в такси, вначале завернули в круглосуточный супермаркет, побродили вдоль прилавков и выбрали для господина Лё Корбюзье коробку шоколадных конфет, с оригинальным названием — «Московские вечера». Потом, уже в одном из киосков аэропорта, нашли для него сувенир — табакерку, где был изображен Наполеон, восседающий на белом скакуне. В довершении ко всему купили букет ярких хризантем.

— Вот теперь мы готовы. Идем, они нас уже ждут, — сказала, лучезарно улыбаясь подруга, увлекая меня за собой к эскалатору, — Всеволод мне эсэмэску прислал. Они в Vip зале.

Поль выглядел невероятно уставшим, был каким-то помятым и рассеянным. Всеволод Константинович выгодно контрастировал на его фоне — подтянут, собран, одет с иголочки. Они оба обрадовались нам. Марина еще издали помахала

букетом, привлекая к себе внимание. Поль подскочил с кресла и кинулся нас встречать, шеф был сдержаннее, но тоже приветливо улыбнулся. Подошел, поцеловал подругу в щёку, что-то шепнул ей на ухо. По всей видимости, извинился за то, что так рано её поднял.

— Когда у него вылет? — спросила Марина, расставаясь с букетом.

— Минут через тридцать начнется посадка на его рейс, боялись, что вы не успеете.

Поль сказал дежурное «мерси», повертел цветы в руках и отдал их мне с задумчивой фразой, которую Лероев перевел так:

— Господь создал цветы для женщины, а вы обе — достойнейшие из них. Возьмите их, в знак моей признательности за прекрасные моменты, которые я здесь провёл с вами.

Марина улыбнулась и что-то ответила Полю, тот смущенно засмеялся и поцеловал ей руку.

— Она сказала ему, что он сам был прекрасным моментом для каждой из вас, — шепнул мне шеф. — Вам обязательно нужно выучить французский.

— Я попробую, — постаралась уйти от этой темы и подошла к подруге, подарила нашему гостю конфеты да табакерку.

Марина что-то сказала, я поняла, что какой-то комплимент.

Господин Лё Корбюзье с благодарностью принял подарки, выслушал восторженную речь подружки и, обернувшись ко мне, взволнованно что-то проговорил, порылся в карманах, достал какой-то конверт, всунул мне в руки.

— Это вам. Личное. Прочтите после, когда он будет в небе. Это важно, — недоумённо перевёл шеф.

По выражению его лица стало ясно, что этот конверт и для него был полной неожиданностью.

— Хорошо, Поль. Не волнуйтесь. Я прочту. Обязательно, — заверила я, и теперь Марина занялась переводом.

— Если хотите, я могу перевести вам письмо, — предложил Всеволод Константинович, наблюдая за переговорами между подругой и французом.

— Спасибо, но я попробую сама. Со словарем, — улыбнулась шефу искренне, насколько смогла. — Вдруг у меня и правда получится овладеть этим языком?

Он пожал плечами и хотел что-то возразить, но в этот момент объявили посадку на рейс Поля (чуть раньше ожидаемого времени), и все мы поспешили на выход.

Подходя к терминалу, Марина вдруг вцепилась мне в руку:

— Вот только этого не хватало! —

прошептала она, оборачиваясь на Лероева, — Всеволод, посмотри направо.

— Вижу, Марина, вижу, — хмуро ответил шеф.

Я проследовала взглядом в указанном направлении и увидела Его.

Когда я раньше слышала про любовь с первого взгляда, всегда в душе появлялось сомнение — такого не бывает! Нет, не может человек полюбить просто так, за красивые глазки. Всегда считала, что любят за что-то, за какие-то душевные качества. Но тут... я потеряла способность мыслить, полностью. Он не был высоким и широкоплечим. Мужчина, который приближался к нам — имел средний рост и был немного худощавым. Чуть небрежная прическа: волосы слегка взлохмачены, откинuty назад. Они — средней длины, пепельного цвета, с небольшой проседью на висках. У незнакомца правильное, очень красивое лицо, тонкие губы, но больше всего привлекали его глаза: живые, подвижные, невероятного цвета — морской волны — и пушистые, будто девичьи, ресницы. Они прятались за тонким стеклом элегантных, я бы даже сказала — интеллигентных, очков.

— Кто это? — едва дыша спросила у подруги.

— Да, так... Наш злейший конкурент, — отмахнулась было Марина, но вдруг настороженно

поглядела на меня и все поняла, — О, нет! Надя, даже не думай! Этот орешек не по твоим зубкам! Ловелас еще тот.

— Кто знает, Марин, вдруг я и есть та самая белка, что съест этот орех, — замороженно смотрела на «нашего конкурента», а сердце сладко сжималось внутри, — Может, это моя первая любовь в жизни. Настоящая.

— Вот уж не думаю, — фыркнула подруга, надев на лицо приветливую улыбку, — Чтобы Сомов и влюбился по-настоящему — это конец Света должен наступить, не иначе.

Вот так я и узнала Его фамилию.

Часто бывает, что объект обожания даже не смотрит в сторону того, кто украдкой вздыхает по нему. Людям свойственно придумывать себе то, чего нет, но очень хочется, чтобы было.

Взгляд, брошенный вскользь и вот уже в сердце — трепет — ах, на меня посмотрели! Ничего не значащий дежурный комплимент, а щёки полыхают от застенчивости и мысли: он видит во мне прекрасную женщину.

Ах, мечты, мечты! Суждено ли вам когда-либо стать реальностью? Как знать.

— Бонжур, мисье Поль! — первым в нашей компании был замечен француз, затем кивок в сторону шефа и крепкое рукопожатие, — Всеволод, приветствую! А я-то всё думал, куда делся наш

дорогой Поль. Переманил, значит, да? Вот беда! Неделю ему дозваниваюсь... и видно, зря!

— Похоже, что так. На этот раз ты не успел, мой друг.

— М-да... Вижу, сделал ты меня! Поздравляю с успехом.

Сомов и Лероев сверлили друг друга взглядом, так и казалось, пронеси соломинку между ними — моментально вспыхнет! Поль поглядывал то на одного, то на другого, добродушно улыбаясь.

— Эдик, ты какими судьбами здесь? — поинтересовалась Марина, скорее всего, чтобы разрядить обстановку.

— О, Мариночка! — будто только что заметил её Сомов, — И ты здесь, дорогая! Замечательно, кстати, выглядишь, — легкий поцелуй в щеку, но подруга слегка отстранилась от любвеобильного конкурента.

— Спасибо! Ты тоже очень даже ничего! Где отдыхал?

— Прозорлива, как всегда! В Греции, — тут он вновь покосился на Лероева, который беседовал с Полем и чуть тише добавил, — Этот ирод несколько тебя не жалеет! В такую рань притащил с собой!

Голос у Сомова был красивый, бархатистый с легким переливом. Я наслаждалась каждым звуком.

— Не такой уж и ирод, — улыбнулась

Марина, — Ты не ответил: что тут делаешь? Не Поля ведь караулишь?

— О, тут осечка, милая! Не знал, что вы его ублажаете, зашел бы к вам в офис. А здесь я по делу, встречаю важного гостя из Румынии... А вы, — тут он заинтересованно пробежал взглядом по мне, — провожаете?

— Да, — ответила почти в один голос с Мариной.

Подруга рассмеялась и представила меня:

— Это Надежда Викторовна, моя подруга. Работает у нас.

— Эдуард Александрович, — представился Сомов, — Рад знакомству...

Когда он посмотрел мне в глаза, почему-то почувствовала неловкость, будто перед учителем в школе, когда плохо выучила таблицу умножения. Кажется, это было во втором классе. С тех пор я больше никогда не забывала выполнять домашнее задание.

Сейчас меня спасло то, что в тот момент, когда Эдуард галантно поцеловал мне руку, объявили о прибытии самолета из Бухареста.

— О, кажется, мне пора! Великодушно простите, увы, но я вынужден покинуть вашу милую компанию: дела, дела!.. Всеволод, до встречи! Поль, оревуар! — Сомов стремительно удалился.

— Вот черт, теперь не будет от него житья, — прошептала Марина, провожая недобрым взглядом Эдуарда Александровича.

— Почему? — спросила я. — Мне он показался довольно приятным...

— В том-то и дело — что показался, — вздохнула подруга, — Улыбнись Полю, он смотрит на тебя!

Тем самым вернула меня в действительность. Мы провожали нашего партнера, и нужно было забыть хотя бы на время о собственных переживаниях и чувствах.

Попрощавшись с Полем, Лероев предложил нам с Мариной перекусить вместе с ним в кафе. Подруга согласилась на это предложение, я же вежливо отказалась. Мне нужно было домой. Я совсем забыла и про соседа и про хозяйку квартиры, а не следовало бы.

Марина проводила меня до такси.

— Если что — звони, — озабочено напутствовала она, — Хорошо?

— Ладно. Позвоню, — пообещала я с тяжелым сердцем.

Очень уж мне не хотелось вновь встречаться с надоедливym соседом. Но кроме меня мои проблемы вряд ли мог решить кто-то другой.

Правда, иногда вместо одних неприятностей, приходят другие, о которых даже не подозреваешь.

Так случилось и со мной.

Глава 8

Я расплатилась с таксистом и неспешно пошла по двору, уговаривая себя — быть сдержанной и смелой, а еще твёрдо стоять на своем. И ни в коем случае не пускать соседа в квартиру. Вокруг было как-то подозрительно тихо. Возле нашего подъезда не сидели старушки, как это бывало раньше, и даже дети в песочнице, казалось, играли тише, чем обычно. Я оглянулась еще раз на притихший двор и вошла в подъезд. Едва поднялась по лестнице, как услышала, что открылась дверь в квартире напротив.

— Наденька?! — как-то удивленно и одновременно обрадовано проскрипел старческий голос. — А я жду тебя, жду. Я в магазин собралась. Как хорошо, что ты пришла! Иди сюда, зайди ко мне...

— Теть Вера, я потом к вам загляну, домой мне надо... — хотела открыть дверь своей квартиры, но не тут-то было. Ключ упорно не желал попадать в замок, — Ничего не понимаю!

Я стояла и тупо смотрела то на дверь, то на ключ. Меня легонько, но настойчиво потянули за рукав.

— Наденька, я же говорю — зайди ко мне. Я

все тебе расскажу, — тётя Вера смотрела на меня с состраданием и какой-то потаенной грустью, — Я хотела тебе постепенно все сказать. А тут сама видишь — замок сменили. Нинка вчера приезжала. Тут такое было! Идем ко мне...

— Не может быть! — огорошенная новостью, никак не могла понять: как можно менять замки там, где живет человек. Вот так в один момент, не предупреждая, оставить без крыши над головой?! Почему? За что? — Я же заплатила ей... А мои вещи, тетя Вер, где мои вещи?

— Они у меня, Наденька. Я все у нее забрала. Идем.

Протиснувшись в узкий коридорчик чужой квартиры, почувствовала себя как бездомный пес, которого пригласили в дом, но пройти дальше порога он не решается. Так и я застряла у двери, ещё не вполне осознавая свалившуюся на меня беду.

— Нинка как озверевшая была. Кричала, что не может тебя найти. Звонила тебе, а ты не отвечаешь. А тут еще твой сосед, Павлик, что снизу — масла в огонь подлил. Сказал ей, что договорился с тобой стену в ванной ломать. Ну, тут уж она всех собак спустила — и на него, и на тебя, а потом: вещи твои собрала и выкинула на площадку, — старушка сокрушенно покачала головой, — Разве так можно? Не человек она.

Злыдня! Злыдня и есть!

Я согласно кивнула и зажмурилась, представив безрадостную картину: мои вещи, раскиданные по всей лестничной площадке.

— Наденька, да ты не плачь. Я все собрала. Твой чемоданчик, туфли, сапожки, курточка — вот оно все. И твой компьютер. Я не дала его кинуть — из рук у нее отобрала. Как она кричала! — тётя Вера покачала головой, поправила платок на голове, — Мне Лариса помогла, отогнала Нинку от меня. А то я бы не справилась. Знаешь Ларису? У нее недавно близняшки родились. Она надо мной живет. Вдвоем справились. И конверт твой у Нинки забрали.

— Какой конверт?

— Тебе лучше знать, какой. Деньги там. Ты зачем их дома-то оставила? Деньги в банке надо хранить! — наставляла меня старушка.

Я в порыве чувств обняла её и заплакала: раньше почти не уделяла внимания этой милой женщине, а она спасла меня лишь по доброте своей. Если бы не тётя Вера, где бы сейчас был мой ноутбук, вещи? А о деньгах и говорить не стоит — Нинка, не задумываясь, прихватила бы их с собой.

— Ну-ну, успокойся, девочка, — поглаживала меня сухой ладошкой соседка, давая выплакаться.

— Спасибо вам, тётя Вера. Я так вам благодарна... так... — у меня не было слов, чтобы

выразить свои чувства.

Но они и не требовались. Мы и без них неплохо понимали друг друга.

— Надя, ты голодна, наверно? Давай-ка чайку попьём? — предложила тётя Вера, приглашая меня в уютную маленькую кухоньку.

— А как же магазин? — спросила я, вытирая слезы. — Вы хотели в магазин идти.

— Успею, — отмахнулась она, пристраивая чайник на плиту, — нам потолковать надо с тобой, а дела — подождут.

Не расспрашивая меня ни о чём, тётя Вера налила мне в чашку крепкого ароматного чая, предложила к нему печенье и клубничное варенье, которое я любила с детства. Сейчас оно показалось мне безвкусным. Наверное, от пережитого потрясения.

«Куда идти? Где теперь жить?» — эти мысли крутились друг за другом бесконечной каруселью в моей голове.

Чтобы снять жильё через агентство недвижимости, нужно заплатить агенту, тогда на квартиру почти ничего не останется, а через частное лицо — можно и деньги потерять, и жилплощадь не получить — рисковать мне не хотелось. За такими тяжелыми думами меня и застал вопрос тети Веры:

— Надя, тебе есть куда пойти?

Я пожала плечами, вариантов не было никаких на тот момент. Напрашиваться к Марине — не хотелось, других подруг, которые могли бы приютить меня на время — не имелось.

— Вот я смотрю на тебя: вроде молодая, красивая, а — одна. Нехорошо это. Я одна по старости, а тебе замуж надо, семья чтобы была, дети, — старушка вздохнула, — Неужели нет никого на примете?

— Нет, тётя Вера, никого, — развела я руки в стороны.

— Так я и подумала. Ночевала, наверно, у родителей или у подружки... — с сочувствием посмотрела она на меня, — А то, может быть, у меня останешься? Пока не найдешь себе место? Что скажешь?

— Что тут сказать, тётя Вера? — я поднялась из-за стола, — Спасибо, конечно, но...

— А ты не смотри, что у меня тесные хоромы, — шутливо подмигнула она мне, — Зато не в обиде будешь. Денег я с тебя брать не стану, разве что попрошу иногда в магазин сходить, да и то, пока ноги бегают — сама управлюсь. Оставайся, Наденька. Вдвоем нам веселее, да и полегче будет, а?

Я подумала, что может быть она и права. В тесноте, но не в обиде — как гласит народная мудрость. тётя Вера вроде бы не вредная старушка,

уживемся как-нибудь, а получу зарплату — сразу сниму себе жилье.

— Хорошо, — улыбнулась я, — Уговорили.

— Ну и ладно, вот и замечательно, — получила искреннюю улыбку в ответ. — Я тогда до магазина — молока куплю, а ты пока располагайся. Вещи свои размести. У меня кровать одна, но зато кресло вот есть, оно разборное, на нем и будешь спать. Вернусь, обустроим тебе угол.

Хлопнула входная дверь, и я осталась в одиночестве, в чужой квартире, которая станет моим приютом, возможно, не на один день. Осматриваясь, прошлась по комнате. Она была уютной, устроенной комфортно для одинокой старушки: кровать у стены, на ней пять подушек — одна над другой: большая, поменьше, средняя и две маленьких. Самая верхняя из них — расшита какими-то узорами и бахромой. Она больше подходила для дивана, которого здесь не имелось. На полу — цветные половики, у окна — старенький телевизор на древней тумбе. Напротив него — шкаф с книгами, рядом — еще один — вещевой. Между шкафами — кресло, которое выглядело новым, правда, когда я присела на него, оно жалобно скрипнуло, давая знать о своем возрасте. Под потолком висела трех-лепестковая люстра, а лампа в ней была вкручена только одна. По всей видимости, тётя Вера сэкономила электричество.

Вдвоем мы с ней, конечно, здесь поместимся, но два человека, не один. Я вздохнула и подошла к окну: отдернула штору, шире открыла форточку. День обещал быть жарким. Несмотря на то, что в квартире не пахло старостью и лекарствами, все же избежать любимых «бабушкиных» цветов не удалось — герань благоухала и на окне тёти Веры. Отчего-то все знакомые мне старушки любили этот запашистый цветок.

Я чихнула и протопала на кухню, налила себе из чайника немного воды — во рту пересохло. Сделала пару глотков — смочила горло, потом пошла за своими вещами. Хотела убедиться в том, что ничего не осталось в руках Нинки. Теперь и я её называла так же, как все соседи вокруг. Нина Сергеевна, после случившегося, потеряла мое уважение — навсегда.

Да, опасения мои оказались не напрасны. В чемодане не оказалось моего летнего шейного платка и Марининых вещей, я не успела их вернуть. Еще отсутствовали: зубная щетка, паста, мочалка, но их, скорее всего, разозленная хозяйка забыла вышвырнуть...

Я решила и набрала телефонный номер Нинки. Трубку сразу сняли.

— Алло! — недовольный тон выдал её настроение.

— Нина Сергеевна, это Надя...

— Чего тебе?

— Я хотела бы получить доступ в вашу квартиру, — ответила, едва сдерживая нарастающий в душе гнев.

Обычно меня невозможно вывести из равновесия — спокойствие и только спокойствие — это почти мое кредо по жизни. Но, если уж кому-то доведется меня рассердить, то ему не позавидуешь. Я не хотела конфликта, он сам меня нашел. Чужого мне не надо, а вот за своё — могу порвать на части. Убеждалась в этом не единожды, как на собственном, так и на чужом опыте. Лучше меня не сердить. Никому.

— Зачем это? — злобно пропыхтела Нинка.

— Хочу забрать свои вещи.

— Я все отдала гребаной старухе из сорок второй, вот у неё и спрашивай свое барахло и больше не звони! — она бросила трубку.

Я перезвонила.

— Твою мать... — дальше шёл отборный мат. Когда приступ ругани закончился, она вновь перешла на обычную речь, — Надька, ты оглохла что ли? Я же сказала — не звони!..

— Значит так, коза драная, пасть закрой и слушай! — на том конце провода будто поперхнулись. Пока тётка приходила в себя, я пошла в наступление, — Вни-ма-тель-но слушай! Если ты через полчаса не появишься возле своей